

Министерство Образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

УДК 341.9+347.5
№ ГР 20160280
Инв. № _____

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе,
канд., техн. наук

_____ Д.О.Глухов

“ _____ ” _____ 2018г.

ОТЧЕТ О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ
«Правовые основы деятельности Евразийского экономического союза»
(заключительный отчет)

ГБ – 0316

Научный руководитель

В.А.Богоненко

Начальник ОСНИ

Т.В.Гончарова

Новополоцк 2018

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Ответственный исполнитель, ведущий научный сотрудник, к.ю.н., доцент	<hr/> подпись, дата	В.А.Богоненко (введение, реферат, заклучение, подразделы 1.1, 2.1.)
Старший научный сотрудник, к.ю.н., доцент	<hr/> подпись, дата	Н.А.Бесецкая (подраздел 2.2)
Старший научный сотрудник к.ю.н., доцент	<hr/>	Е.Н.Ярмоц (подраздел 1.2)
Научный сотрудник	<hr/> подпись, дата	В.В.Максименюк (подраздел 2.4)
Научный сотрудник	<hr/> подпись, дата	Т.В.Семёнова (подраздел 2.6)
Научный сотрудник	<hr/> подпись, дата	К.Д.Савицкая (подраздел 2.5)
Младший научный сотрудник	<hr/> подпись, дата	А.И.Малиновская (подраздел 2.3)
Оператор ЭВМ	<hr/> подпись, дата	Т.Н.Шавель (сбор материала, оформление отчета)
Нормоконтролер	<hr/> подпись, дата	Л.В.Ищенко

РЕФЕРАТ

Отчет содержит 111 с. 132 источника.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА; ПРАВО ЕАЭС; СУД ЕАЭС; ИНТЕГРАЦИЯ; ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ; ЭНЕРГЕТИКА; ЕАЭС; ПРАВО; ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО; ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ; РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА; ЭНЕРГОСНАБЖЕНИЕ; ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЕ; ТАМОЖЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ; ТУРИЗМ

Объект исследования. Право Евразийского экономического союза, в том числе правоотношения в сфере энергетики, отрасли интеграционного взаимодействия, интеллектуальная собственность, правоотношения в сфере туризма, национальное законодательство и международные отраслевые соглашения.

Цель работы. Разработка теоретико-правовых оснований интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС, классификация и характеристика правоотношений реализуемых в сфере энергетики, оборота товаров, работ, услуг. Разработка теоретико-правовых основ структурирования норм права, направленных на регулирование отношений в рамках ЕАЭС, в том числе в сфере энергетики, а также гармонизации законодательства государств, участвующих в ЕАЭС; разработка отраслевых и межотраслевых основ интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Методы исследования. Общенаучные (анализ, синтез, абстрагирование, дедукция, индукция и др.) и частнонаучные (сравнительного правоведения, формально-логический).

Результатом научно-исследовательской работы стали: теоретико-правовые основы интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС, теоретико-правовые основы идентификации наднационального механизма ЕАЭС, а также предложения по гармонизации законодательства государств,

участвующих в ЕАЭС; выявление закономерностей развития правовых институтов в условиях воздействия наднационального механизма на интеграционное взаимодействие в рамках ЕАЭС.

Определены формы воздействия наднационального механизма ЕАЭС на сферу интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС. Рассмотрено влияние наднационального механизма ЕАЭС на внутригосударственное законодательство государств, участвующих в ЕАЭС. Разработаны теоретико-правовые основы гармонизации национальных законодательств государств, участвующих в ЕАЭС.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
1. ДОГОВОР О СОЗДАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС) (ПРЕЛИМИНАРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)	8
1.1 Договор о создании ЕАЭС.....	8
1.2 Правосудие Евразийского экономического союза.....	12
2. ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОТРАСЛЕВЫЕ ИНСТИТУТЫ.....	19
2.1 Правовые основы интеграции в сфере энергетики (на примере государств-членов Евразийского экономического союза)	19
2.2 Кластерная политика ЕС и ЕАЭС на транснациональном уровне в сфере энергетики: сравнительно-правовой аспект.....	31
2.3 Юридическое лицо как субъект экологических отношений	44
2.4 Существенные условия договора на оказание услуг по оздоровительному туризму.....	53
2.5 Правовая природа интернет-сайта в Республике Беларусь и в Российской Федерации: общие положения.....	62
2.6 Доменное имя как объект гражданских прав (на примере Республики Беларусь)	80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	93
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	95

ВВЕДЕНИЕ

Потребность в интеграционном взаимодействии возрастает по мере развития экономических отношений, развития промышленного и сельскохозяйственного секторов экономики. Наряду с экономическими и политическими средствами решения экономических проблем используются и правовые средства. Наличие эффективного национального законодательства, нормы которого направлены на регулирование отношений в экономике и ее отдельных отраслях, международных соглашений с участием Республики Беларусь позволяет в значительной мере повысить качество правового регулирования всего спектра экономических отношений.

В настоящее время значительная доля внутреннего валового продукта выпадает на территории охватывающие государства, участвующие в региональных экономических сообществах, в том числе, в Евразийском экономическом сообществе и Европейском Союзе.

Опыт национального нормотворчества, а также межгосударственных соглашений указывают на процесс обособления норм права, направленных на регулирование отношений в различных отраслях экономики. На практику национального нормотворчества оказывают влияние процессы интеграционного взаимодействия в рамках экономических сообществ. Создание региональных экономических зон и сообществ, наднациональных структур и единых рынков и систем, энергетических, товаров, работ и услуг, финансовых и др. делает необходимым синхронизировать практику национального нормотворчества и международных отношений, определить основные направления и принципы гармонизации национальных законодательств, сформулировать основные начала (принципы) национального законодательства и международных соглашений.

В значительной мере усиливается роль государства в регулировании отношений энергоснабжения и энергосбережения, таможенного регулирования, здравоохранения, контроля и надзора, отличающихся

преобладанием публично-правовых начал. Возникает потребность в проведении комплексных научных исследований правоотношений, в разработке теоретико-правовых основ права ЕАЭС и его отдельных институтов и субинститутов.

Научно-исследовательские работы позволяют создать теоретико-правовую основу для проведения последующих научных исследований, повысить эффективность планирования и осуществления нормотворческой деятельности, а также правоприменительной практики. Результаты выполняемых исследований позволяют укрепить теоретическую основу структурирования норм международного права и дополнить современную доктрину международного экономического права новыми понятиями и категориями.

Результаты проведенного исследования позволяют включить в научную деятельность и учебный процесс новые отраслевые знания, разработать новые обучающие программы и курсы, интегрироваться в европейские научные программы, апробировать положения и выводы, содержащиеся в работе посредством их опубликования в научных изданиях и использования в нормотворческой деятельности.

1. ДОГОВОР О СОЗДАНИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС) И ЕГО КОНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

1.1 Договор о создании ЕАЭС

Учреждение Евразийского экономического союза, как одно из важнейших событий на постсоветском пространстве, обращает на себя внимание, прежде всего, с точки зрения перспектив интеграции в различных отраслях экономики. Вместе с тем, этот процесс затрагивает и другие области межгосударственного взаимодействия и, тем более, важнейшие внутригосударственные институты, а также национальное право. Договор, которым учрежден ЕАЭС, закрепляет такие важнейшие понятия, как "общий (единый) рынок" - совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; "единое экономическое пространство" - пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура; "таможенный союз" - форма торгово-экономической интеграции государств-членов, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, действуют Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной и др. Отобразив квинтэссенцию ЕАЭС, как уникальной международной организации, данные понятия в формальном лингвистическом выражении, заключают сложные явления, так или иначе, связанные с правом. Таким образом, возникает необходимость в изучении

основных институтов ЕАЭС сквозь призму права. С другой стороны, требуется разработать теоретико-правовые основания правоотношений, возникающих в рамках ЕАЭС в условиях их непрерывного развития, а равно и развития национальных правовых систем, государств-членов ЕАЭС.

Уровень взаимодействия наднационального и национального достигает области внешней политики, осуществляемой государствами, вовлеченными в процесс интеграции. Обстоятельства подобного рода воздействуют на характер процесса интеграции и могут привести к необходимости пересмотра международных соглашений, что особенно актуально для ЕАЭС, или к выработке дополнительных соглашений, обеспечивающих благоприятное развитие процесса интеграции.

Из всех факторов, которые могут влиять на содержание процесса интеграции в рамках ЕАЭС и имеющих национальную природу, можно выделить наиболее важные:

- Особенности национальных правовых систем.
- Структура экономики и экономическая специализация.
- Наличие международных договоров.
- Участие в международных организациях.
- Географическое расположение государства.
- Состояние урбанизации.

В Договоре «О Евразийском экономическом союзе» закреплён приоритет норм данного Договора перед нормами национального законодательства стран, участвующих в ЕАЭС. Данное положение является достаточно принципиальным с точки зрения идентификации самого Договора, как регулятора отношений, реализуемых в рамках ЕАЭС. Этот принцип стал неотъемлемой частью установившейся в годы поиска национальной самоидентификации, традиции нормотворчества многих стран постсоветского пространства, в том числе и государств-членов ЕАЭС. Здесь прослеживается определенная аналогия с так называемым первичным правом Европейского союза, которое содержится в договорах о создании

Европейского союза, частные правовые нормы при этом содержатся в многочисленных постановлениях, директивах и судебных решениях, составляющих вторичное право Евросоюза [1, с. 391].

Таким образом, выстраивается основа для наднационального сотрудничества в рамках ЕАЭС. При этом, присутствует один из важнейших признаков наднациональности, а именно: законодательная деятельность ЕАЭС как международной организации, обладающей правосубъектностью, международно-правовой статус которой закреплен в п. 2 Договора «О Евразийском экономическом союзе». Процесс создания и деятельности ЕАЭС, связан с необходимостью преодоления коллизий, вероятность которых достаточно высока в сфере отношений, связанных с производством и передачей энергетических ресурсов, а также их потреблением. Именно поэтому, понятийный аппарат, формализующий ЕАЭС в качестве международной организации, пополнился таким термином, как «гармонизация законодательства».

Созданию ЕАЭС предшествовал длительный период предварительного интеграционного взаимодействия, когда 10 октября 2000 г. в Астане был подписан и вступил в силу 30 мая 2001 Договор об учреждении ЕврАзЭС г. После его ратификации всеми государствами — членами. Членами Евразийского экономического сообщества с момента его образования являлись пять государств — Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. ЕврАзЭС являлось открытой организацией. Членом сообщества могло стать государство, которое принимало на себя обязательства, вытекающие из Договора об учреждении ЕврАзЭС и других договоров Сообщества.

Главная цель создания ЕврАзЭС — это развитие экономического взаимодействия, торговли, эффективного продвижения процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, координации действий государств, участвующих в интеграции в мировую экономику. Основные задачи:

- завершение оформления в полном объеме режима свободной торговли, формирование единого таможенного тарифа и единой системы мер нетарифного регулирования;
- установление общих правил торговли товарами и услугами и их доступа на внутренние рынки;
- введение унифицированного порядка валютного регулирования и валютного контроля; - разработка и реализация совместных программ социально-экономического развития;
- создание равных условий для производственной и предпринимательской деятельности;
- формирование общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы; - формирование общего энергетического рынка;
- обеспечение взаимодействия правовых систем государств ЕврАзЭС с целью создания общего правового пространства в рамках Сообщества [2].

1.2. Правосудие Евразийского экономического союза

Создание Суда ЕАЭС необходимо рассматривать в несколько этапов. Первый этап связан с учреждением Суда СНГ, который с 3 марта 2004 г. по 2010 г. фактически выполнял функции Суда ЕврАзЭС. Суд ЕврАзЭС был создан на основе двух основополагающих договоров – Статута Суда Евразийского экономического сообщества от 5 июля 2010 г. и Договора об обращении в суд Евразийского экономического сообщества хозяйствующих субъектов по спорам в рамках Таможенного союза и особенности судопроизводства по ним от 9 декабря 2010 г. За три года Судом ЕврАзЭС было рассмотрено 18 дел. В 2012 г. государствами-членами был заключен протокол к Статуту, позволивший обращаться в Суд также хозяйствующим субъектам, зарегистрированным в государствах, не входящих в Таможенный Союз.

29 мая 2014 г. в Астане был подписан Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС). Руководящими органами Союза являются Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд ЕАЭС, Суд Союза, Суд) [3]. Динамичное развитие ЕАЭС создает необходимость разработки и активного развития правовых инструментов, а также механизмов разрешения споров, которые могут возникнуть при активизации его деятельности.

С учетом многообразия интеграционных объединений интеграционное правосудие может приобретать различные формы и функционировать на основе различных моделей: интеграционный арбитраж (третейские суды, формируемые государствами-членами интеграционного объединения *ad hoc*), квазисудебные органы интеграционного правосудия (обладают юрисдикционными полномочиями по рассмотрению дела и вынесению решения, но *де-юре*

не являются судебными органами) и интеграционные судебные органы.

Суд ЕАЭС также как и Европейский Суд по правам человека и Суд Европейского Союза относится к международным судам второго поколения. Классические суды (Международный Суд ООН) рассматривают только межгосударственные споры. Суды второго поколения наделены также и обязательной юрисдикцией по рассмотрению жалоб частных лиц, что является их основной функцией [4].

Несмотря на непродолжительный период существования Суда ЕАЭС, в юридической литературе наблюдается некоторая дифференциация взглядов на его правовую природу. Одни полагают, что Суд ЕАЭС следует рассматривать в качестве правопреемника Суда ЕврАзЭС [5, с. 245]. Другие, напротив, говорят о том, что Договор о ЕАЭС предусматривает создание нового Суда Союза. Так, по мнению А.С. Исполинова, «Суд Союза будет судом регионального интеграционного объединения, в котором уже закончен первый этап формирования единого внутреннего рынка – успешно завершено создание Таможенного Союза» [6, с. 80]. Подобной точки зрения придерживаются также А.В. Малько и В.В. Елистратова [7, с. 103].

Был принят новый Статут Суда ЕАЭС в виде приложения № 2 к Договору о Союзе и новый Регламента Суда. Согласно положениям Статута, изменился порядок формирования Суда. Если судьи Суда ЕврАзЭС избирались Межпарламентской Ассамблеей по представлению Межгосударственного Совета, то судьи Суда ЕАЭС, согласно п. 10 Статута Суда, назначаются (освобождаются) на должность Высшим Евразийским экономическим советом, который состоит из глав государств-членов Союза, по представлению государств-членов. Это, с одной стороны, повышает статус судей Суда, а с другой, указывает на возможность контроля за процессом назначения (освобождения) судей на должность. Регламент Суда, определяющий порядок и условия

организации деятельности Суда, согласно новому Статуту, утверждается не самим Судом, а решением Высшего Евразийского экономического совета.

Изменения коснулись и компетенции Суда ЕАЭС. В частности, были ограничены возможности Суда по толкованию вынесенных им решений и нормотворчеству. Это связано, в том числе, с предшествующей деятельностью Суда ЕврАзЭС, который, по мнению государств-членов Сообщества и исследователей в области международного права, создал прецедент так называемого «судейского активизма» (решение Суда ЕврАзЭС по делу ОАО «Угольная Компания «Южный Кузбасс» против Евразийской Экономической Комиссии от 5 сентября 2012 г.).

Современная доктрина судейского активизма исходит из политической роли судей, которые призваны действовать тогда, когда в законодательстве не урегулированы конкретные правоотношения, либо когда принимаемые нормативные правовые акты нарушают основополагающие конституционные ценности [8]. Применительно к международным судам под судейским активизмом понимают случаи, когда суд выходит в своих решениях за пределы формулировок, сферы действия и намерений государств, заключивших Договор, положения которого толкуются и применяются этим судом. Суд ЕврАзЭС истолковал норму Договора таким образом, при котором она стала порождать последствия, не предусмотренные самим Договором, в том числе и в национальных правопорядках, проявив, тем самым довольно категоричную позицию в отношении юридической силы выносимых им решений и их толкования. Это вызвало определенную критику как со стороны договорившихся государств, так и со стороны исследователей, по мнению которых государства, заключившие Договор, являются его полноценными властителями (*Masters of the Treaty*), даже если этим договором предусмотрено создание межрегионального

(наднационального) суда, задачей которого будет применение Договора. Государства-члены Союза самостоятельно определяют пределы и юрисдикцию Суда, а также устанавливают порядок исполнения вынесенных им решений. В этой связи в п. 102 Статута Суда ЕАЭС закреплено правило о том, что решение Суда не носит прецедентный характер, то есть не изменяет, не отменяет и не создает новых правовых норм ЕАЭС.

Суд ЕврАзЭС был наделен компетенцией по вынесению преюдициальных и консультативных заключений. Статут Суда ЕАЭС исключил полномочие по вынесению преюдициальных заключений по запросам национальных судов.

Преюдициальная юрисдикция суда заключается в полномочии выносить заключения по вопросам применения права интеграционных объединений в ответ на запросы национальных судов при рассмотрении ими споров с участием частных лиц в случае, если эти вопросы существенно влияют на разрешение дела по существу. Направив такой запрос, национальный суд приостанавливает судебный процесс, а решение по существу выносит уже после получения заключения, опираясь на выводы международного суда. Преюдициальная юрисдикция, таким образом, является важнейшим инструментом, обеспечивающим развитие интеграции, поскольку способствует единообразному пониманию и применению норм права интеграционного объединения национальными судами. В этой связи Т.Н. Нешатаева считает неудачным исключение данного полномочия из юрисдикции Суда ЕАЭС, поскольку, по ее мнению, «механизм снятия противоречия до зарождения юридического спора на стадии конфликта при толковании писанных норм является своего рода предотвращением развития конфликтного правоотношения исключительно правовыми способами через судебное толкование норм международного права» [5, с. 247]. В то же время А.С. Исполинов еще в отношении практики вынесения

преюдициальных заключений Судом ЕврАзЭС указывал на неэффективность механизма предварительных заключений Суда в силу того, что право на обращение в суд с таким запросом было дано лишь высшим судам государств-членов Сообщества, которые, к слову сказать, воспользовались данным правом лишь единожды.

В настоящее время Суд ЕАЭС наделен полномочиями по вынесению консультативных заключений по вопросам толкования и применения международно-правовых норм, носящих рекомендательный характер, по запросам государств-членов Союза и его институтов.

Анализ норм Статута, определяющих компетенцию Суда, позволяет сделать вывод о несовершенстве п. 2 главы III Статута, согласно которому в компетенцию Суда входит рассмотрение споров о соответствии решений или об оспаривании действий (бездействий) Комиссии, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности лишь по заявлению хозяйствующих субъектов. Под хозяйствующими субъектами понимаются юридические лица или индивидуальные предприниматели. Таким образом, вне юрисдикции Суда остаются граждане, общественные организации, профсоюзы, права и законные интересы которых также могут быть затронуты решением или действием (бездействием) Комиссии. Н.А. Соколова считает это существенным недостатком в работе Суда, так как «чем более активным является взаимодействие с Судом Союза индивидов, тем более прочными становятся интеграционные связи» [9, с. 100]. Отсутствие каталога прав человека на евразийском уровне и, соответственно, невозможность широкой защиты позволяют присоединиться к выводу о том, что «в системе защиты прав человека на уровне <...> Союза существуют серьезные изъяны» [10, с. 17].

Суд ЕАЭС состоит из шести судей (по два судьи от каждого государства) и уполномочен рассматривать дела в составе Большой

коллегии Суда, Коллегии Суда и Апелляционной палаты Суда. К юрисдикции Большой коллегии Суда относится рассмотрение дел по заявлению государств-членов ЕАЭС. Дела в данном случае рассматриваются Судом в полном составе. Решение Суда является окончательным и обжалованию не подлежит. Коллегия Суда рассматривает дела по заявлению хозяйствующего субъекта. В состав Коллегии включаются по одному судье от каждого государства-члена поочередно по фамилии судьи, начиная с первой буквы русского алфавита. Решение Коллегии может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда.

А.О. Четвериков отмечает, что учредительные документы большинства интеграционных объединений предусматривают минимальные гарантии независимости, свойственные как для международных, так и для национальных судебных органов: правила в отношении конфликта интересов (несовместимость должностей и запрет заниматься любым коммерческим или политическим видом деятельности); наделение судей привилегиями и иммунитетами; организационная и процессуальная автономия органов интеграционного правосудия [11, с. 165].

В этой связи вызывает определенные вопросы институт апелляционного обжалования решений Суда ЕАЭС. Заявления об обжаловании решений Коллегии Суда рассматривает Апелляционная палата Суда, в состав которой входят три судьи Суда, не принимавшие участия при первоначальном рассмотрении дела, решение по которому обжалуется. То есть в саму конструкцию Суда заложена некая фикция двухуровневого рассмотрения дела: ни состав Коллегии Суда, ни состав Апелляционной палаты Суда не являются постоянно действующими, а создаются *ad hoc* в рамках срока полномочий судей на время рассмотрения (пересмотра) конкретного дела. В этой связи возможной представляется реформа апелляционного механизма Суда, так как

существует вероятность того, что судьи при пересмотре дела могут быть «скованы» доводами своих коллег по поводу первоначального рассмотрения дела, то есть имеется конфликт интересов. К слову, в практике Суда еще не было случая, чтобы Апелляционная палата не согласилась с мнением первой инстанции [12]. Решение палаты является окончательным и обжалованию не подлежит.

В Статуте также предусмотрен институт особого мнения судьи, которое судья вправе заявить и представить в течение пяти дней со дня оглашения решения Суда в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями (ст. 79 Регламента Суда ЕАЭС). Интересно, что в качестве специфической гарантии независимости судей многие рассматривают запрет особых мнений, который, с одной стороны, может ограничивать свободу усмотрения судей, но, с другой стороны, лишает государства контролировать позицию так называемых «своих» судей и применять к ним различные «меры воздействия». Указанная гарантия получила распространение в практике Суда ЕС, где, по мнению М.М. Бирюкова, «сохраняется абсолютная секретность судейских дебатов» [13, с. 201].

Таким образом, Суд ЕАЭС создается на уже достаточно подготовленной базе с учетом опыта Суда СНГ и Суда ЕврАзЭС. По нашему мнению, Суд ЕАЭС является новым межгосударственным интеграционным образованием со своим Статутом и Регламентом деятельности. В Суде ЕАЭС изменен порядок назначения и освобождения судей на должность, срок их полномочий, регламентирован вопрос, касающийся юрисдикции суда, в сторону ее ограничения. Представляется, что реформированию подлежит институт апелляционного пересмотра дела, так как при существующем порядке имеется риск возникновения конфликта интересов между судьями в процессе осуществления правосудия.

2. ПРАВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ

2.1 Правовые основы интеграции в сфере энергетики (на примере государств-членов Евразийского экономического союза)

Учреждение Евразийского экономического союза как одно из важнейших событий на постсоветском пространстве обращает на себя внимание, прежде всего, с точки зрения перспектив интеграции в различных отраслях экономики. Вместе с тем этот процесс затрагивает и другие области межгосударственного взаимодействия и, тем более, важнейшие внутригосударственные институты, а также национальное право. Договор, которым учрежден ЕАЭС, закрепляет такие важнейшие понятия, как «общий (единый) рынок» – совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; «единое экономическое пространство» – пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфра-структура; «таможенный союз» – форма торгово-экономической интеграции государств-членов, предусматривающая единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, действуют Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной и др. Отобразив квинтэссенцию ЕАЭС как уникальной международной организации, данные понятия в формальном

лингвистическом выражении заключают сложные явления, так или иначе связанные с правом. Таким образом, возникает необходимость в изучении основных институтов ЕАЭС сквозь призму права. С другой стороны, требуется разработать теоретико-правовые основания правоотношений, возникающих в рамках ЕАЭС в условиях их непрерывного развития, а равно и развития национальных правовых систем государств-членов ЕАЭС.

Основная часть. В Договоре «О Евразийском экономическом союзе», подписанном в Астане 29.05.2014 содержится раздел XX «Энергетика». Из всего спектра правоотношений, реализуемых в рамках ЕАЭС, правоотношения энергоснабжения и энергосбережения с полным основанием следует отнести к числу наиболее важных с точки зрения обеспечения экономических основ интеграции. Практика межгосударственных отношений знает много примеров сотрудничества в сфере энергетики как в целом, так и применительно к ее отдельным сегментам. Одним из наиболее известных и всеобъемлющих процессов интегрирования в сфере энергетики является Энергетическая Хартия. Энергетическая Хартия с момента подписания Заключительного документа Гаагской Конференции по Европейской Энергетической Хартии (Гаага, 17 декабря 1991 г.) со временем трансформировалась в сложное правовое явление, которое охватывает национальные правовые системы и область международно-правовых отношений [14, с. 155].

В Договоре «О Евразийском экономическом союзе» энергетика присутствует хотя и в качестве важнейшего, но не единственного элемента сложной системы экономической интеграции нескольких государств. В этом Договоре содержится Раздел XX «Энергетика», состоящий из семи статей (79–85). Важнейшее значение с точки зрения необходимости понимания механизмов взаимодействия в сфере энергетики государств-членов ЕАЭС имеет статья 79 Раздела XX. Данная статья содержит конститутивные положения, которые служат правовой основой интеграции в сфере энергетики стран, заключивших Договор «О Евразийском экономическом

союзе». Как и интеграция любого рода, интеграция в сфере энергетики формируется и развивается во взаимодействии двух важнейших факторов: наднационального и национального. Более того, взаимодействие этих факторов складывается в условиях влияния внешних причин, происходящих, в первую очередь, из области политики.

Уровень взаимодействия наднационального и национального в энергетике достигает области внешней политики, осуществляемой государствами, вовлеченными в процесс интеграции. Обстоятельства подобного рода воздействуют на характер процесса интеграции и могут привести к необходимости пересмотра международных соглашений, что особенно актуально для ЕАЭС, или к выработке дополнительных соглашений, обеспечивающих благоприятное развитие процесса интеграции. Именно такие обстоятельства привели к изменению правового статуса субъекта процесса Энергетической Хартии, если говорить о Российской Федерации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. № 1055-р принято решение о направлении уведомления (депозитарию Энергетической Хартии) о намерении не становиться участником договора к Энергетической Хартии, что сделано в соответствии со статьей 45 Договора к Энергетической Хартии. Содержание режима временного применения раскрывается в статье 45 Договора. Считается, что такие государства или организации находятся в процессе присоединения к Договору. Республика Беларусь стала участницей процесса Энергетической Хартии, что было закреплено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 06.12.1994 № 230 «О подписании Договора к Европейской энергетической хартии». Вместе с тем Республика Беларусь, как и Российская Федерация, не ратифицировала Договор к Энергетической Хартии. В настоящее время правовой статус Республики Беларусь в процессе Энергетической Хартии – государство, применяющее Договор к Энергетической Хартии на временной основе (временное применение). Республикой Казахстан подписан и ратифицирован Договор к

Энергетической хартии. Казахстан активно участвует в её процессе, в том числе в разработке рабочих документов Энергетической Хартии, взаимодействует с её организационными структурами (Конференция по Энергетической Хартии, Секретариат и Генеральный секретарь). Вместе с тем участие Казахстана в Энергетической Хартии анонсирует проблемы, которые могут быть знакомы странам, участвующим сразу в различных интеграционных образованиях. В юридической литературе, например, отмечается, что подписание Казахстаном Договора к Энергетической Хартии имеет определенные отрицательные моменты. Договор целиком направлен на защиту прав инвесторов, и Казахстану как принимающему государству пришлось поступиться частью своих прав, пойти на ограничение суверенитета, в частности на отказ от судебного иммунитета. Однако Казахстан пошел на это сознательно, ибо всякий договор – это баланс интересов. И свое законодательство республика развивает в направлении усиления гарантий иностранным инвесторам, предоставления им надежной защиты от посягательств государственных чиновников [15]. В процессе Энергетической Хартии участвуют также и недавно присоединившиеся к ЕАЭС Армения и Кыргызстан.

Участие в ЕАЭС и интеграция в сфере энергетики несут определенные риски участникам этих процессов, поскольку эти процессы должны учитывать национальные интересы сторон и в то же время национальные законодательства об энергетике и заключенные ранее международные договоры. В этом контексте угадываются различные проблемы, которые могут осложнить интеграцию в сфере энергетики. Например, концепция общих рынков энергоносителей для Евразийского Экономического Союза еще не разработана. Есть лишь концепция общего рынка электроэнергии, но очевидно, общий энергетический рынок ЕАЭС не будет противоречить основным принципам Международной Энергетической Хартии. Отличия, разумеется, неизбежны, поскольку в законодательстве ЕАЭС должны полнее учитываться интересы производителей энергоресурсов, в то время как хартия

сориентирована главным образом на потребителей энергии, особенно импортеров [16, с. 18].

Каждая из стран, участвующих в ЕАЭС, имеет систему законодательства об энергетике. В экономике этих стран, безусловно, есть различия, касающиеся структуры отраслей, специализации по отдельным производствам, управления отраслями и т.д. В еще большей степени подобные различия свойственны энергетике. Различия, исходящие из материальных основ правоотношений энергоснабжения, обуславливают и разность в подходах к регулированию отношений энергоснабжения. В этом смысле противоречия усиливаются за счет множественности объектов правоотношений энергоснабжения, состоящих из энергетических ресурсов и энергоносителей. Единственным объединяющим началом здесь выступает принадлежность энергетических ресурсов и энергоносителей к объектам гражданских прав. Однако сам по себе подобный позитивный фактор оказывается недостаточным в плане перспектив интеграции в сфере энергетики, тем более не предоставляет никаких гарантий успешности такой интеграции.

Из всех факторов, которые могут влиять на содержание процесса интеграции в сфере энергетики стран ЕАЭС и имеют национальную природу, можно выделить наиболее важные:

- структура энергетической отрасли, а именно: наличие или отсутствие месторождений нефти и газа, нефтеперерабатывающих предприятий и предприятий по производству сжиженного газа, атомных электростанций, ТЭЦ, магистральных трубопроводов и др.;
- структура экономики и экономическая специализация;
- наличие международных договоров в сфере энергетики;
- участие в международных организациях;
- географическое расположение государства;
- состояние урбанизации.

Энергетическая отрасль стран, участвующих в ЕАЭС, неравнозначна по своей структуре и содержанию, что первоначально создает условия для дисбаланса в интеграционном процессе в сфере энергетики. Например, наличие предприятий трубопроводного транспорта в Российской Федерации и Республике Беларусь позволяет говорить о возможности функционирования единой трубопроводной системы, однако существует значительная разница в протяженности магистральных трубопроводов. Такая же несопоставимая разница существует и в части месторождений полезных ископаемых. Подобная диспозиция, с одной стороны, предопределяет характер правового регулирования на уровне национального законодательства, а с другой – проектирует контуры нормотворческой деятельности применительно к нуждам интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, прежде всего применительно к энергетике. То же самое можно сказать и о других государствах-членах ЕАЭС. При таких обстоятельствах возникает необходимость в выработке концепции правового обеспечения интеграционных процессов в сфере энергетики и в то же самое время в создании условий для балансировки национального и наднационального в юридической конструкции интеграционного процесса.

В пункте 2 раздела XX «Энергетика» Договора «О Евразийском экономическом союзе» говорится о том, что к отношениям хозяйствующих субъектов государств-членов, осуществляющих свою деятельность в сферах электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, не урегулированным настоящим разделом, применяется законодательство государств-членов. Из данной нормы следуют следующие важные положения:

- В разделе XX Договора речь идет о хозяйствующих субъектах в том значении, которое придается этому понятию национальными законодательствами участвующих в ЕАЭС стран. Статья 1 данного Договора среди иных понятий, используемых в Договоре, не содержит такое понятие, как «хозяйствующий субъект». Законодательство Республики Беларусь содержит понятие «субъект хозяйствования». Например, под субъектами

хозяйствования для целей Декрета Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» понимаются юридические и физические лица, перечисленные в подпунктах 1.1 и 1.2 пункта 1 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утверждаемого настоящим Декретом. Законодательство Российской Федерации содержит понятие «хозяйствующие субъекты». Так, в соответствии с пунктом 5 статьи 4 Федерального закона «О защите конкуренции» хозяйствующий субъект – коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации (п. 5 в редакции Федерального закона от 06.12.2011 № 401-ФЗ) [17]. Понятие «хозяйствующий субъект» знакомо также праву Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Армения. Анализ законодательства стран, участвующих в ЕАЭС, говорит о том, что под хозяйствующими субъектами или субъектами хозяйствования в целом понимаются коммерческие организации и граждане, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица. Как правило, отдельным образом различаются субъекты естественных монополий, что наиболее актуально именно для энергетики. Из всех стран, участвующих в ЕАЭС, наиболее развитым и полным является российская система законодательства о естественных монополиях. Договор «О Евразийском экономическом союзе» содержит раздел XIX «Естественные монополии», но нормы этого раздела существенным образом отличаются от раздела XX в том смысле, что их применение связано специальными оговорками, содержащимися в разделе XIX «Естественные монополии».

В большинстве случаев субъекты естественных монополий осуществляют свою деятельность в такой организационно-правовой форме, как акционерное общество.

В силу присущих энергетике отраслевых особенностей, таких как проведение комплексных работ по разведке и добыче полезных ископаемых, перемещение отдельных видов энергетических ресурсов по специальным транспортно-технологическим системам (нефть и газ по магистральным трубопроводам), создание высокотехнологичного оборудования для предприятий энергетической отрасли, когда требуются большие вложения (инвестиции) для осуществления предпринимательской деятельности в энергетике наиболее оптимальной формой предпринимательства является деятельность с созданием юридического лица или коллективное предпринимательство. Перечень юридических лиц, которые могут быть идентифицированы в качестве хозяйствующих субъектов (субъектов хозяйствования), содержится в Гражданских кодексах и иных нормативных правовых актах государств-членов ЕАЭС.

Такие юридические лица именуются в законодательстве и доктрине коммерческими организациями. Среди известных Гражданскому кодексу коммерческих организаций самой эффективной организационно-правовой формой с точки зрения особенностей энергетической отрасли является открытое акционерное общество, что позволяет: а) обеспечить необходимый объем вложений (инвестиций) в объекты энергетической отрасли; б) обеспечить контроль государства за деятельностью предприятий энергетики; в) решать важные социально-экономические задачи внутри страны; г) обеспечить защиту стратегических интересов в сфере экономики и политики как в самой стране, так и за ее пределами; д) обеспечить свободу действия публично-правовых начал законодательства об энергетике. Мировой опыт показывает, что в большинстве случаев в энергетике распространена акционерная форма предпринимательства. Применительно к перемещению газа магистральными трубопроводами: в Российской

Федерации РАО «Газпром», в Республике Беларусь ОАО «Белтрансгаз», в Украине – национальная акционерная компания «Нефтегаз Украины», в Нидерландах «Gazuni». Во Франции Законом от 2 августа 1949 года перемещение газа по газопроводам было разрешено только национальным компаниям, большинство акций которых является собственностью государства или общественных учреждений.

- В Договоре «О Евразийском экономическом союзе» закреплён приоритет норм данного Договора перед нормами национального законодательства стран, участвующих в ЕАЭС. Данное положение является достаточно принципиальным с точки зрения идентификации самого Договора как регулятора отношений в сфере энергетики, реализуемых в рамках ЕАЭС. Этот принцип стал неотъемлемой частью установившейся в годы поиска национальной самоидентификации, традиции нормотворчества многих стран постсоветского пространства, в том числе и государств-членов ЕАЭС. Здесь прослеживается определенная аналогия с так называемым первичным правом Европейского союза, которое содержится в договорах о создании Европейского союза, частные правовые нормы при этом содержатся в многочисленных постановлениях, директивах и судебных решениях, составляющих вторичное право Евросоюза [18, с. 391].

Таким образом, выстраивается основа для наднационального сотрудничества в рамках ЕАЭС. При этом присутствует один из важнейших признаков наднациональности – законодательная деятельность ЕАЭС как международной организации, обладающей правосубъектностью, международно-правовой статус которой закреплён в пункте 2 Договора «О Евразийском экономическом союзе». Процесс создания и деятельности ЕАЭС связан с необходимостью преодоления коллизий, вероятность которых достаточно высока в сфере отношений, связанных с производством и передачей энергетических ресурсов, а также их потреблением. Именно поэтому понятийный аппарат, формализующий ЕАЭС в качестве международной организации, пополнился таким термином, как

«гармонизация законодательства». Нефтегазовый сектор – один из наиболее значимых для стран, участвующих в Евразийском экономическом союзе. Законодательство, направленное на регулирование отношений по добыче нефти и газа, доставке их потребителю и потреблению, стало формироваться в рамках создания национальных правовых систем с начала 90-х годов XX века. Этот процесс отличался сложностью и противоречивостью, поскольку национальным законодателям приходилось решать комплекс проблем, связанных с определением прав собственности на недра и полезные ископаемые, на объекты, входящие в состав предприятий трубопроводного транспорта. Кроме того, вырабатывалась техника национального нормотворчества, а также апробировались новые подходы в сфере межгосударственных отношений, поскольку сами отношения по добыче и перемещению нефти и газа от мест добычи к местам переработки и потребления, как правило, осложнены иностранным элементом. Таким образом, законодательство, обеспечивающее регулирование в нефтегазовой сфере развивалось под значительным воздействием национального элемента, что в итоге привело к закреплению норм, направленных на защиту внутреннего энергетического рынка и обеспечение экономических интересов этих стран [19, с. 46]. За это время сформировалась система законодательства об энергетике стран, участвующих в ЕАЭС.

Республика Беларусь: Закон «Об энергосбережении» 1998 года; Закон «О магистральном трубопроводном транспорте» 2002 г.; Закон «О газоснабжении» 2003 г.; Закон «О естественных монополиях» 2002 г.; Кодекс О недрах 2008 г.

Российская Федерация: Закон «О газоснабжении в Российской Федерации» 1999 г.; Закон «Об экспорте газа» 2006 г.; Закон «О недрах» (ред. от 28.12.2013); Водный кодекс 2006 г.; Закон «О естественных монополиях» 2005 г.

Республика Казахстан: Закон «О недрах и недропользовании» 2010 г.; Закон «О государственном регулировании производства и оборота отдельных видов

нефтепродуктов» 2011 г.; Закон «О магистральном трубопроводе» 2012 г.; Закон «О газе и газоснабжении» 2012 г.

Республика Армения: Закон «Об энергетике» 2001 г.; Закон «Об энергосбережении и возобновляемой энергетике Республики Армения» 2004 г.; Кодекс О недрах 2011 г.

Кыргызская Республика: Закон «Об энергосбережении» 1998 г.; Закон «Об энергетике» 1996 г.

● Национальный элемент оказывает влияние практически на все правоотношения, которые известны Договору «О Евразийском экономическом союзе». Применительно к энергетике такое влияние осуществляется на нескольких основных уровнях:

- первый уровень – правоотношения энергоснабжения и энергосбережения;
- второй уровень – правоотношения с участием субъектов естественных монополий, а также в сфере конкуренции;
- третий уровень – правоотношения, реализуемые в общих отраслях, вовлеченных в процесс интеграции в рамках ЕАЭС.

Данные уровни находятся в состоянии корреспондирования и зависимости и являются частью сложного правового явления, неотделимого от процесса интеграции в сфере энергетики. Например, правовая характеристика правоотношений в сфере энергетики невозможна без учета особенностей, свойственных правоотношениям, в которых принимают участие субъекты естественных монополий. Согласно пункту 3 статьи 78 Договора «О Евразийском экономическом союзе» правоотношения в конкретных сферах естественных монополий определяются разделом XIX («Естественные монополии») с учетом особенностей, предусмотренных разделами XX и XXI Договора.

В таком понимании форма существования национального элемента зависит от уровня правоотношения, а степень его воздействия от характера правоотношений. В наибольшей степени Договор «О Евразийском экономическом союзе» зависим от национального элемента в части

положений, касающихся интеграции в сфере энергетики. При этом степень такой зависимости неодинакова для стран, участвующих в Договоре, и отличается от уровня разработанности национального законодательства об энергетике. В силу данного обстоятельства наибольшая зависимость Договора проявляется в отношении законодательства Российской Федерации, которая имеет наиболее разработанное законодательство в сфере энергетики, а также естественных монополий.

Правоотношения в сфере энергетики, правовой основой которых являются международные договоры, по сложившейся практике следуют праву международных договоров. Договор «О Евразийском экономическом союзе» показывает пример достаточно сложного сочетания норм, направленных на регулирование отношений в сфере энергетики и естественных монополий, но на основе приоритета положений этого Договора. Характеристика субъектного состава Договора «О Евразийском экономическом союзе» как многостороннего договора анонсирует проблему национального элемента, осложненную как субъектным составом, так и объектом этого договора. Кроме того, данная проблема по своей сути имеет лабильный характер, поскольку ее состояние зависит от изменений национального законодательства стран, участвующих в Договоре «О Евразийском экономическом союзе».

2.2 Кластерная политика ЕС и ЕАЭС на транснациональном уровне в сфере энергетики: сравнительно-правовой аспект

В связи с перманентным проявлением обострения межгосударственной конкуренции в энергетическом секторе экономики в последнее время все большую актуальность приобретают идеи о кластерной модели его развития. И если экономическое обоснование рациональности, определение преимуществ и недостатков создания кластеров в данной сфере активно проводится в научной литературе, то правовое обоснование еще требует детальной проработки.

В отечественной юридической доктрине исследование правовых вопросов, связанных с реализацией кластерной политики, созданием и функционированием кластеров, находятся практически в зачаточном положении. Нельзя сказать при этом, что правовые аспекты экономической теории кластеров подверглись активной разработке и в научной литературе стран-участниц Евразийского экономического сообщества (далее – ЕАЭС). Вместе с тем необходимо выделить работы таких авторов, как:

О.Ю. Ворожбит, Н.Ю. Титова, Т.А. Полещук, В.Е. Зиглина [20], И.В. Михеева, А.С. Логинова [21], Т. А. Скворцова, Е. А. Паршина [22] и др.

Отсутствие серьезной разработки в правовой науке указанных проблем негативным образом сказывается на формировании стабильной законодательной базы. Так, в Республике Беларусь, законодательство о кластерах действует только на нормативно-методическом уровне концепций, стратегий и программ развития. На данный момент оно представлено двумя нормативными правовыми актами Совета Министров Республики Беларусь: Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы [23]; Концепция формирования и развития инновационно-промышленных кластеров [24].

Одним из наиболее успешных в мировой практике опыт по реализации кластерной политики на транснациональном уровне – опыт

европейских стран, особенно в Европейском союзе (далее – ЕС). В последнее время активно обсуждается возможность реализации кластерной модели развития единого экономического пространства в рамках ЕАЭС в различных сферах, в том числе в сфере энергетики. Целью настоящего исследования является сравнительно-правовой анализ правового обеспечения кластерной политики в ЕС и ЕАЭС и обоснование возможности на ее основе реализации кластерного подхода в сфере энергетики.

Основная часть. Под государственной кластерной политикой понимается составная часть государственной социально-экономической политики, представляющая собой комплекс осуществляемых государством организационных, экономических и правовых мер, направленных на формирование и развитие кластеров в целях повышения конкурентоспособности национальной экономики [24].

Поскольку кластерная политика является составной частью государственной политики в целом, она направлена на достижение устойчивого экономического развития определенных регионов посредством создания системы мер, обеспечивающих успешное взаимодействие участников соответствующих кластеров на основе эффективной конкуренции.

По сути, кластерная политика – альтернатива промышленной политики, в рамках которой невозможно создать эффективный механизм необходимых мер, способных обеспечить конкуренцию, поскольку здесь государственная поддержка направлена на конкретные отрасли экономики или даже отдельные предприятия.

В качестве одного из существенных признаков кластера большинством ученых признается признак территориальной (географической) локализации. В частности, классическое определение, данное М. Портером, базируется на территориальном признаке, поскольку под кластером понимается: «Сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков

услуг, фирм в родственных отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений) в определенных областях, конкурирующих, но при этом ведущих совместную работу» [25, с. 256]. Как отмечает А.К. Лебедева, наряду с кластеризацией регионализация выступает одной из закономерностей современного развития экономики [26, с. 104].

Вместе с тем подобная географическая локализация заинтересованных в сотрудничестве компаний может пониматься по-разному. Так, первоначально идея кластерного подхода к развитию экономики обосновывалась применительно к внутригосударственному урону. В литературе подчеркивается, что региональный кластер, функционирующий в определенной отрасли, способствует экономическому росту конкретного региона, посредством объединения производственных предприятий, научно-исследовательских и финансовых институтов, государственных органов [26, с. 104]. Тем не менее сам М. Портер четко не указывал какими могут быть границы географического охвата кластера, поскольку признавал, что «территориальный охват кластера может варьироваться от одного города или штата (региона) до страны и даже нескольких соседствующих стран» [25, с. 258].

Именно в государственной кластерной политике отдельного государства устанавливаются соответствующие меры, направленные на идентификацию кластеров, определение сфер их функционирования, создание органов, обеспечивающих государственную поддержку и т.п. [27, с. 122].

Однако в современных условиях глобализации экономических связей все большую актуальность приобретает транслирование кластерного подхода на уровень транснациональных отношений. В таких условиях актуальным становится выработка наднациональной кластерной политики в рамках конкретного регионального сотрудничества. Стратегической задачей развития экономики Республики Беларусь на современном этапе является

расширение трансграничного сотрудничества в различных сферах, особенно в рамках ЕАЭС.

Одной из целей создания ЕАЭС декларируется всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик. Однако, что касается сотрудничества в энергетической сфере, то истинной интеграции государства-участники ЕАЭС здесь, так и не смогли достичь. При этом усугубляющим фактором является и то, что взаимоотношения сторон строятся не на многосторонней, а на двусторонней основе [28]. Это еще больше сдерживает сотрудничество в целом на региональном уровне в рамках Единого экономического пространства и Таможенного союза.

Интеграция в энергетическом секторе существенно замедлилась. На этом фоне каждое государство-участник ЕАЭС, несмотря на единообразное понимание целей и задач создания союза, стремится извлечь максимальные выгоды непосредственно для себя. Как считает И.Е. Матвеев: «Наблюдается снижение скорости интеграционных процессов из-за роста «экономического эгоизма». В ряде случаев компромиссы расцениваются как ущемление суверенитета» [29]. Особенно это ярко прослеживается на уровне взаимодействия государств по формированию общих энергетических рынков.

Тем не менее, государства-участники ЕАЭС определили временные рамки реализации стратегических планов по созданию общего рынка энергоресурсов ЕАЭС, в частности: общий рынок электроэнергии до 1 июля 2019 г., а общий рынок нефти и нефтепродуктов, газа до 1 января 2025 г.

В данной области на сегодняшний момент действуют несколько рамочных соглашений, выступающих в качестве единой нормативной базы. Так, с 1 января 2015 года действует Договор о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС). В соответствии со ст. 79 государства-члены развивают долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество в сфере энергетики, проводят скоординированную энергетическую политику,

осуществляют поэтапное формирование общих рынков энергетических ресурсов в целях эффективного использования потенциала топливно-энергетических комплексов государств-членов, а также обеспечения национальных экономик основными видами энергетических ресурсов (электроэнергия, газ, нефть и нефтепродукты) [30]. В качестве первоначального этапа 8 мая 2015 года была утверждена Концепция формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС [31], а затем соответствующие шаги были предприняты и в сфере рынка нефти, нефтепродуктов и газа. В частности, 31 мая 2016 года утверждены Концепция формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов [32] и Концепция формирования общего рынка газа [33]. На их основе 6 декабря 2018 года Высший Евразийский экономический совет принял решения о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов [34] и общего рынка газа ЕАЭС [35].

Тем не менее поскольку на практике интеграция в энергетическом секторе не так успешна, как это прогнозируется в указанных выше документах, становится очевидным, что существующих правовых средств на сегодняшний день не достаточно.

Необходимы иные инновационные методы, способные обеспечить более эффективные результаты интегративного взаимодействия в энергетической сфере. Так, обобщенный анализ приведенных выше нормативных документов показывает, что одной из целей формирования общих рынков энергоресурсов в ЕАЭС является повышение конкурентоспособности государств-членов и Союза в целом на мировом рынке. Многими специалистами признается, что именно кластерная форма организации экономических связей в странах-членах Таможенного союза может способствовать повышению конкурентоспособности, стимулировать инновационное развитие. Единая промышленная политика в рамках ЕАЭС может стать результатом, в том числе и применения межгосударственной

кооперации кластеров, а также кластерного подхода к организации производства в рамках единого экономического пространства [36, с. 7].

Однако здесь еще предстоит выработать согласованную и скоординированную кластерную политику, предполагающую гармонизацию правового регулирования и осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов к созданию и деятельности транснациональных кластеров в рамках ЕАЭС. Для этого необходимо разработать соответствующую методическую и нормативно-правовую базу.

На данном этапе в нормативных документах ЕАЭС возможность кластерного подхода к развитию единого экономического пространства заложена лишь концептуально. Так, в соответствии с пп. 3 п. 8 ст. 92 договора о ЕАЭС создание совместных промышленных кластеров названо в качестве одного из инструментов реализации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС [30]. В Протоколе о промышленном сотрудничестве, являющимся приложением к Договору о ЕАЭС, содержится определение промышленного кластера, где под ним понимается группа взаимосвязанных промышленных и связанных с ними организаций, взаимодополняющих друг друга и за счет этого усиливающих свои конкурентные преимущества [30].

Экономистами подчеркивается, что для создания регионального кластера необходимы объективные условия: нормативно-правовое регулирование, государственная поддержка, тесно связанные между собой предприятия, их географическая локализация в рамках региона и т.д. [26, с. 104]. В частности, подобные факторы имеются в отношении рынка энергоресурсов ЕАЭС. Так, государства-участники ЕАЭС имеют общую транспортную, коммуникационную, энергетическую и другие системы. Созданные на базе ЕАЭС институты (Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия) являются надежной инфраструктурой, способной создать необходимые условия как для разработки единой нормативно-

правовой базы, так и выработки и проведения скоординированной кластерной политики.

Внедрение кластерного подхода применительно к созданию общего рынка энергоресурсов в документах ЕАЭС непосредственно не упоминается. Однако в ст. 79 Договора о ЕАЭС в качестве одного из ключевых принципов долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики названо обеспечение развития конкуренции на общих рынках энергетических ресурсов [30]. Это, на наш взгляд, опосредованно создает правовую основу и не исключает использование кластерного подхода в качестве одной из инновационных форм развития сотрудничества стран-участниц ЕАЭС в сфере энергетики. Одной из целей формирования общих рынков энергоносителей должно стать повышение конкурентоспособности, а также усиление экономической интеграции государств-членов ЕАЭС в сфере энергетики.

Наличие конкурентно-партнерских отношений между участниками – один из сущностнообразующих признаков кластера. Как отмечает М. Портер, кластеры – результат комбинации конкуренции и кооперации, что становится возможным, поскольку они происходят между разными участниками и в разных плоскостях. Они способны влиять на конкуренцию тремя способами: увеличением производительности участников кластера, стимулированием бизнеса и управлением инновациями в регионе [25, с. 274-275, 286]. Конкуренция между участниками кластера проявляется в виде конкурентной кооперации, выступая перманентным источником обновлений [37, с. 31]. Объединение в кластер дает его участникам ряд конкурентных преимуществ.

Специалистами подчеркивается, что успешность интеграции в рамках ЕАЭС, в том числе и в сфере рынка энергоресурсов, будет зависеть от рационального отказа государств-участников от конкуренции между собой и перехода к сотрудничеству в наиболее передовых отраслях экономики, требующих значительных финансовых затрат. В частности, в отраслевой структуре инвестиций доля топливно-энергетического комплекса составляет

43% в объеме накопленных капиталовложений [38, с. 48]. Создание в соответствующих государствах-участниках ЕАЭС транснациональных кластеров может стать надежной базой для повышения конкурентоспособности общего рынка энергоресурсов с товарами и услугами третьих стран и стабилизировать положение на мировом рынке.

Поскольку ЕАЭС находится только на начальном этапе, интересным, полагаем, будет обращение к соответствующему опыту стран ЕС, лидирующих в области создания и развития как транснациональных кластеров, так и транснациональных кластерных сетей.

На сегодняшний момент в ЕС проводится единая скоординированная кластерная политика. Согласно статистическим данным в ЕС действует 2000 кластеров.

Толчком к развитию кластеров стало принятие ряда программных документов. В основе европейской кластерной политики лежит Европейская региональная хартия 1965 г. В 2000 г. на Саммите в Лиссабоне в качестве одной из стратегических целей ЕС избрал формирование конкурентоспособной и динамичной экономики [39], благодаря чему в странах ЕС были разработаны национальные программы кластеризации. Позднее в 2007 г. в Брюсселе был утвержден Манифест кластеризации Европы, а в 2008 г. в Стокгольме – Европейский кластерный меморандум. Меморандум стал, по сути, новым способом решения проблемы налаживания связей между региональным, национальным и европейским уровнями кластерной политики. Главной его задачей стало формирование общей политической основы для реализации кластерных усилий в Европе [40].

Для реализации данных программных документов на национальном и наднациональном уровнях созданы организации, оказывающие при финансовой поддержке Генерального директората по предпринимательству и промышленности Европейской комиссии (ЕС – DG Enterprise and Industry of the European Commission) консультационную, информационную, маркетинговую и образовательную поддержку. В частности к ним можно

отнести: Europe INNOVA [41], Европейский кластерный альянс, Европейская кластерная обсерватория [42] и др. Кроме того, был запущен ряд инициатив, таких как: Европейская кластерная панорама, Европейская карта кластеров и услуг, Европейская инициатива по повышению качества кластеров (ECEI), Европейская платформа сотрудничества кластеров (ECCP), Европейские стратегические кластерные партнерства (ESCPs), Транснациональный кластерный альянс в целях поддержки усиления кооперации (TACTICS) и т.п. [43].

На сегодняшний момент кластерная политика в странах ЕС осуществляется на трех уровнях: региональных подсистем и местных органов власти; национальном и наднациональном. На первом уровне в основном большее внимание уделяется развитию конкретных регионов [44 с. 42]. При этом в Австрии, Дании и Испании большее значение предается реализации кластерной политики именно на региональном, а не на национальном уровне. Большинство стран кластерная политика на национальном уровне разрабатывается, начиная с 2000 г. При этом 2/3 государств ЕС приняли официальные документы (программы, концепции и т.п.), в которых кластерный подход является частью инновационной политики [45, с. 10-30]. В национальных кластерных программах, как правило, используются инструменты разных типов: 1) привлечение участников, 2) коллективные услуги и 3) широкомасштабные совместные исследования и разработки [46, с. 14]. На данном уровне в основном действуют агентства, организованные при различных министерствах. Ответственность за реализацию кластерной программы в конкретных государствах может нести не одно, а сразу несколько министерств. Чаще всего это министерства промышленности, финансов или экономики [45, с. 12]. На наднациональном уровне – уровне ЕС кластерная политика реализуется по следующим направлениям: поддержка региональных и национальных программ, посредством дальнейшего устранения барьеров для торговли, инвестиций и миграции в пределах Европы; развитие

стратегического подхода к кластерной политике в ЕС; осуществление научно-исследовательских программ; стимулирование транснационального сотрудничества между кластерами и создание транснациональных кластеров и транснациональных сетей кластеров [47, с, 22-23].

На уровне ЕС кластерную политику реализует Европейская комиссия через Европейскую обсерваторию по кластерам и промышленным изменениям (EOCIC), запуская различные кластерные инициативы по развитию кластеров и утверждая межгосударственные программы финансирования кластеров (инновационных). За непосредственную реализацию кластерных инициатив отвечают три Генеральных директората Европейской комиссии: по внутреннему рынку, промышленности, предпринимательству, по региональной и городской политике, а также исследований и инноваций. Финансирование таких инициатив осуществляется в рамках программ ЕС, в основном Программы ЕС по конкурентоспособности малых и средних предприятий (COSME – the EU programme for the Competitiveness of Enterprises and SMEs) и Горизонт-2020.

Продвижение идей кластеризации экономики в различных сферах на уровне ЕС значительно упрощает кооперацию производств, интеграцию бизнес-процессов. При этом заранее не ставится во главу угла задача централизовать усиление такой кооперации. Описанный механизм создает благоприятные условия для выхода на новые рынки посредством поиска новых партнеров, для обмена знаниями и опытом и реализации совместных идей. Это обеспечивается и за счет обеспечения равного доступа к информации, увеличения инвестиций, снятия различных барьеров, инновационного развития через связь бизнеса с научно-исследовательскими институтами и т.д.

В сфере энергетики в ЕС действует более 51 кластера. При этом наметилась тенденция к более активному развитию кластерного подхода в сфере энергоэффективности и возобновляемых источников энергии. Создание региональных кластеров зеленой энергии может способствовать

критической массе, необходимой для действий по снижению этих барьеров для более широкого использования возобновляемых источников энергии. В частности, в рамках проекта «Кластер зеленой энергии» было создано 4 новых региональных кластера зеленой энергии в сотрудничестве с существующим кластером EcoEnergy в Верхней Австрии в секторе солнечной тепловой энергии и биомассы [48].

На фоне широкого развития кластеров на национальном уровне, в программе ЕС Европа-2020 одной из приоритетных целей ставится усиление транснационального сотрудничества в области кластерного развития экономики. Тем не менее понятие «транснациональный кластер» в нормативных документах ЕС не определяется. В литературе кластеры на международном уровне классифицируются на: трансграничные (участники локализируются на приграничных территории двух или более государств) и транснациональные (участники находятся в двух или более государствах, располагаясь на не граничащих друг с другом регионах) [49, с. 54; 50, с. 10]. В ЕС накоплен опыт создания подобных кластеров и на сегодняшний момент их действует более 9, например, Baltic Biomaterial Cluster, Oslo Cancer Cluster, AluCluster, Bothnian arc и др.

Обобщение опыта реализации кластерной политики на трех уровнях в ЕС можно прийти к выводу, что подобный сценарий возможен и в рамках кластеризации энергетического рынка ЕАЭС. Так, роль модератора кластерной политики в данной области на наднациональном уровне вполне может осуществлять Евразийская экономическая комиссия. Ее главной задачей должно стать продвижение согласованной и скоординированной кластерной политики на региональном и национальном уровнях в странах-участницах ЕАЭС. Кроме того, она должна обеспечить создание необходимых площадок (на подобие Европейского кластерного альянса) на которых потенциальные участники кластеров могли бы успешно взаимодействовать друг с другом. Необходимо будет выработать критерии к оценке наиболее перспективных кластерных проектов, условия, порядок и

объем их финансирования. Это потребует разработки определенных международных соглашений.

В экспертных кругах отмечается, что стратегической необходимостью стран-участниц ЕАЭС является развитие инновационного потенциала для того, чтобы снизить уровень сырьевой зависимости экспорта, риски при формировании общего рынка энергоносителей, усилить интеграцию в данной сфере.

Таким образом, одной из актуальных задач развития ЕАЭС в целом и ее энергетического рынка является создание трансграничных и транснациональных кластеров.

Для ее решения целесообразно обратиться к изучению и заимствованию опыта ЕС, демонстрирующего эффективную наднациональную систему мер, направленных на стимулирование кластеров в различных сферах. Для преодоления существующих в рамках ЕАЭС барьеров на пути создания кластеров на общем рынке энергоресурсов потребуется:

- вести дальнейшую работу по гармонизации условий осуществления хозяйственной деятельности;
- выработать скоординированную, согласованную кластерную политику как на национальном, так и на наднациональном уровнях;
- разработать нормативно-правовую базу, регламентирующую создание и деятельность кластеров в экономике;
- согласовать международные программы, направленные на финансирование наиболее перспективных кластерных проектов на основе государственно-частного партнерства;
- стимулировать интернализацию национальных кластеров за счет перманентного роста их международного сотрудничества, обмена технологиями, знаниями и т.п.

Кластерный подход к организации общего рынка энергоресурсов позволит получить необходимый синергетический эффект,

обуславливающий повышение как конкурентоспособности государственных участников ЕАЭС, так и конкурентоспособности ЕАЭС в целом на мировом рынке, стимулировать их переход на инновационный путь развития за счет создания новых товаров и технологий, и как следствие ресурсозависимость национальных экономик от экспорта энергоносителей.

2.3 Юридическое лицо как субъект экологических отношений

Быстротечное развитие экономики в современном мире порождает многочисленные барьеры рационального соотношения экономических и экологических интересов, ставя под угрозу обеспечение благоприятной окружающей среды. Особый интерес с позиций науки экологического права на фоне всех изменений вызывает правовое положение юридических лиц. Интерес именно к данному субъекту не является случайным, ведь юридические лица наносят наибольший экологический вред в процессе осуществления ими хозяйственной деятельности.

В системе субъектов в области охраны окружающей среды юридическое лицо является, с одной стороны, основным природопользователем, исходя из масштабов используемых им природных ресурсов, с другой, - постоянным и крупномасштабным источником загрязнения окружающей среды. Проблемы правового положения юридических лиц в экологических отношениях исследовались рядом российских ученых М.М.Бринчуком [51], М.И.Васильевой [52], О.И.Саморуковой [53], применительно к содержанию экологических отношений такими белорусскими исследователями, как С.А.Балашенко [54], Т.И. Макаровой [55], Н.А.Карпович [56]. При этом особенности эколого-правового положения юридических лиц, ведущих сельскохозяйственную деятельность в научной литературе исследовались в аспекте экологизации земельного и аграрного законодательства. Среди таких трудов следует отметить работу Т.И.Макаровой, О.А. Хотько «Экологизация земельного законодательства: состояние и проблемы совершенствования» [57, с. 123-125]. Авторы акцентируют внимание на недостаточном развитии правовых норм, об охране земель, что вызывает противоречия в осуществлении законных интересов участников земельных отношений, указывают на необходимость включения положений об охране окружающей среды в законодательство, регулирующее хозяйственную деятельность. Таким

образом, данный субъект вызывает интерес для дальнейшего изучения его положения в экологических правоотношениях.

Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года «Об охране окружающей среды» в редакции Закона от 17 июня 2002 года (далее – Закон «Об охране окружающей среды») в области охраны окружающей среды выделяет следующих субъектов: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, специально уполномоченные республиканские органы государственного управления в области охраны окружающей среды, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, а также иные государственные органы, органы территориального общественного самоуправления в пределах их компетенции, общественные объединения, иные юридические лица Республики Беларусь, а также граждане Республики Беларусь, в том числе индивидуальные предприниматели. Ч. 3 статьи 6 Закона об охране окружающей среды также называет субъектов: иностранные граждане, лиц без гражданства, иностранные и международные юридические лица (организации, не являющиеся юридическими лицами), иностранные государства, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь [58]. Закон «Об охране окружающей среды» выделяет юридическое лицо в качестве субъекта экологических отношений и наделяет комплексом прав и обязанностей, которые выступают средством реализации нормативных предписаний, являясь центральным звеном эколого-правового положения данного вида субъектов природоохранных отношений [52, с. 4].

В белорусской юридической литературе юридическое лицо, как субъект в области охраны окружающей среды не стал предметом комплексного научного исследования, что существенно затрудняет определение его эколого-правового положения. Комплексному исследованию правового статуса граждан как участников экологических правоотношений уделено большое внимание. В частности, Т.И. Макарова

исследовала эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь. Исследование посвящено проблемам правового положения человека во взаимодействии с окружающей средой, определению объема прав и обязанностей граждан в области охраны окружающей среды [55, с.27]. Таким образом, целесообразным является рассмотрение такого субъекта экологических отношений как юридическое лицо.

Центральным элементом юридического лица как субъекта экологических отношений являются его права и обязанности. Анализ экологического законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии норм, специально посвященных правам юридических лиц как субъектов экологического права. В данном случае следует согласиться с М.И. Васильевой, которая указывает, что ведение своей хозяйственной и иной деятельности является основным и практически единственным правом субъекта хозяйствования, которое связано достаточно жесткими условиями, ограничениями и запретами [52, с.11-12]. Причем объем этих прав и обязанностей, включая те, которые являются природоохранными, составляет преимущественно содержание законодательства, регулирующего ведение хозяйственной деятельности, например Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О магистральном трубопроводном транспорте» устанавливает проведение оценки воздействия на окружающую среду планируемой деятельности при создании магистральных трубопроводов [59]. В то же время мы обращаем внимание на положения главы 3 Закона «Об охране окружающей среды», устанавливающей «Права и обязанности граждан, юридических лиц и общественных экологов в области охраны окружающей среды. Общественные обсуждения проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке». Закон «Об охране окружающей среды» не содержит отдельной статьи, посвященной правам и обязанностям юридических лиц, ведущих хозяйственную деятельность, которая оказывает воздействие на

окружающую среду. При этом статья 15 данной главы Закона «Права и обязанности общественных объединений, осуществляющих деятельность в области охраны окружающей среды, иных юридических лиц» содержит права и обязанности общественных объединений и «иных юридических лиц», к которым закон относит следующие права: участвовать в разработке проектов государственных и иных программ рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, региональных комплексов мероприятий и способствовать их реализации; за счет собственных и привлеченных средств осуществлять мероприятия по воспроизводству природных ресурсов и обеспечению экологической безопасности; вносить в государственные органы и направлять должностным лицам предложения по вопросам охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов и др. К обязанностям относится соблюдение требований в области охраны окружающей среды и др.

Учитывая тот факт, что наибольший вред окружающей среде наносит именно хозяйственная деятельность, видится целесообразным рассматривать в данной главе «юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность», а не «иных юридических лиц», детализируя их права и обязанности в отдельной статье рассматриваемого Закона.

Неоднократно указывалось, что наибольший вред окружающей среде наносит хозяйственная и иная деятельность, для ее осуществления законодательство устанавливает требования экологической безопасности. Согласно ст.1 Закона «Об охране окружающей среды» под экологическими требованиями понимаются предъявляемые к хозяйственной и иной деятельности обязательные условия, ограничения, установленные нормативными правовыми актами, в том числе техническими нормативными правовыми актами, нормативами в области охраны окружающей среды. По основным направлениям хозяйственной деятельности Закон «Об охране окружающей среды» содержит требования, предъявляемые к: архитектурной,

градостроительной и иной деятельности; эксплуатации объектов энергетики; сельскохозяйственной деятельности; мелиорации; добыче, переработке, транспортировке нефти и газа; производству опасных химических веществ и обращению с ними; обращению с источниками радиоактивного излучения; деятельности, оказывающей вредное биологическое воздействие; к обращению с отходами. Так, при осуществлении мелиорации земель, размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию и эксплуатации мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений юридические лица должны принимать меры по обеспечению водохозяйственного баланса и экономному использованию вод. Ст. 44 Закона «Об охране окружающей среды» указывает, что юридические лица при проектировании, производстве, эксплуатации мобильных источников обязаны разрабатывать и осуществлять меры по снижению токсичности, дымности отработанных газов, очистке или обезвреживанию выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду [58].

Обязанности юридических лиц, как субъектов экологических отношений устанавливаются прямо или логически вытекают из содержания требований в области охраны окружающей среды. Так, юридические лица обязаны соблюдать правила производства, хранения, транспортировки, применения, захоронения радиоактивных веществ (источников ионизирующих излучений), не допускать превышения нормативов предельно допустимого уровня радиационного воздействия, а в случае их превышения немедленно информировать специально уполномоченные республиканские органы государственного управления, местные исполнительные и распорядительные органы о повышенных уровнях радиации, опасных для окружающей среды и здоровья граждан, принимать меры по ликвидации очагов радиационного загрязнения (ст.47). Юридические лица обязаны выполнять правила производства, хранения, транспортировки и применения химических веществ, используемых в сельском и лесном хозяйстве (ст. 48).

Юридические лица, осуществляющие деятельность, связанную с возможностью вредного воздействия микроорганизмов на окружающую среду, обязаны обеспечивать экологически безопасное производство, транспортировку, использование, хранение, размещение и обезвреживание микроорганизмов, разрабатывать и осуществлять мероприятия по предотвращению аварий и катастроф, предупреждению и ликвидации последствий вредного воздействия микроорганизмов на окружающую среду (ст.49) [58].

Следует отметить, что экологические обязанности, возлагаемые на юридических лиц, также детализируются в специальном законодательстве. Например, порядок обращения с отходами установлен Законом Республики Беларусь «Об обращении с отходами». Соответственно, юридические лица, осуществляющие обращение с отходами, обязаны обеспечивать обезвреживание и (или) использование отходов либо их перевозку на объекты обезвреживания отходов и (или) на объекты по использованию отходов, а также их хранение в санкционированных местах хранения отходов или захоронение в санкционированных местах захоронения отходов [60].

Анализ экологических прав и обязанностей юридических лиц демонстрирует большой удельный вес их обязанностей в сравнении с правами. Это связано в первую очередь с тем, что хозяйственная и иная деятельность причиняет вред окружающей среде, поэтому государство возлагает на них соответствующие обязанности для уменьшения вредного воздействия. Таким образом, соблюдение требований в области охраны окружающей среды юридическими лицами является одним из обязательств, которое позволяет осуществлять хозяйственную деятельность на законных основаниях.

Проводя исследование эколого-правового положения юридического лица, нельзя не сказать о гарантиях его экологических прав. Статья 18 Закона об охране окружающей среды в целях государственного регулирования воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в

качестве гарантий устанавливает нормирование в области охраны окружающей среды. Нормирование в области охраны окружающей среды заключается в установлении нормативов качества окружающей среды, нормативов допустимого воздействия на окружающую среду, лимитов на природопользование, а также иных нормативов в области охраны окружающей среды [58]. Такого рода гарантии обеспечивают регулятивную функцию, так как устанавливают пределы воздействия на окружающую среду.

Одной из важнейших гарантий экологических прав юридических лиц является гарантия на доступ к природным ресурсам. Природоресурсное законодательство трактует доступ к природным ресурсам как юридическую гарантию прав специальных природопользователей осуществлять разрешенные виды пользования. Таким образом, в условиях ограниченности природных ресурсов, вовлечении их в экономический оборот доступ к природным ресурсам необходимо рассматривать как основную гарантию экологических прав юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность. [61, с. 327].

При наличии гарантий экологических прав следует обратить внимание на то, что «исполнение обязанностей служит очевидной гарантией соблюдения прав лиц, в интересах которых обязанности выполняются» [62, с. 127]. Действительно, юридическое лицо, добросовестно исполняющее свои обязанности, гарантирует реализацию своих экологических прав. Делая вывод о правах, обязанностях и гарантиях юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, следует отметить, что все эти элементы взаимосвязаны друг с другом. Исключение одного из них влечет нецелесообразность рассмотрения эколого-правового положения юридического лица.

Для определения правового положения юридического лица как субъекта экологических отношений следует рассмотреть его правосубъектность. Согласно ч.1 ст. 45 Гражданского кодекса юридическое

лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, предусмотренным в его учредительных документах, а также предмет деятельности и нести связанные с этой деятельностью обязанности [63]. Исходя из содержания учредительных документов юридического лица, его деятельность может иметь экологически значимый характер, например производство, реализация, сельскохозяйственной продукции, заготовка древесины, ведение охотничьего хозяйства и др. Такой объем правосубъектности определяется как специальный экологический. Экологическая правосубъектность проявляется в связи с выполнением юридическим лицом экологически значимых видов деятельности как одной из задач его образования.

Важной особенностью экологической правосубъектности юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность является то, что для возникновения прав и обязанностей недостаточно факта государственной регистрации, а необходимо реальное воздействие рассматриваемого субъекта на окружающую среду путем использования природных объектов и ресурсов, в процессе или в результате такой деятельности, изменяющей состояние окружающей среды, оказывающее негативное воздействие на нее [53, с. 8]. На наш взгляд, О.И. Саморукова выделила весьма важный признак экологической правосубъектности юридических лиц, так как в данном случае нас интересует экологически значимый результат хозяйственной деятельности и его отражение на состоянии окружающей среды. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что не только (и не столько) наличие экологической правосубъектности создает особое эколого-правовое положение юридического лица, но также и любое вредное воздействие на окружающую среду как последствие ведения хозяйственной деятельности, на что указывает вся глава 6 Закона «Об охране окружающей среды», устанавливающая экологические требования в отношении практически всех видов экономической деятельности.

Таким образом, объем правомочий юридических лиц, ведущих экономическую деятельность, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду, подлежит закреплению самостоятельной статьей Закона «Об охране окружающей среды». Совокупность норм, содержащихся в гражданском, хозяйственном, природоресурсном и экологическом законодательстве, закрепляющих правовое положение юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность, может рассматриваться как комплексный институт экологического права, который на данном этапе не стал предметом правового исследования в науке экологического права. Комплексность данного института подтверждается сочетанием различных элементов входящих в его состав, каждый из которых обладает специфическими признаками, присущими хозяйственной деятельности. Необходимость изучения положения данных лиц обусловлена в первую очередь тем, чтобы найти баланс соотношения их экологических прав и обязанностей в процессе осуществления хозяйственной деятельности. Это будет являться гарантией реализации принципа обоснованного сочетания экологических и экономических интересов общества в целях обеспечения благоприятной окружающей среды граждан.

2.4 Существенные условия договора на оказание услуг по оздоровительному туризму

В настоящее время туристические услуги весьма востребованы в гражданском обороте. В числе видов туризма выделяется оздоровительный туризм – одна из важнейших и динамично развивающихся его составляющих. По прогнозу Всемирной организации здравоохранения (WHO), к 2022 году туризм вместе со сферой оздоровления станут одной из определяющих мировых отраслей [64].

Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы в разделе 6.11. «Развитие транзитной привлекательности и индустрии гостеприимства» к числу наиболее перспективных видов туризма относит оздоровительный туризм [65].

Как отмечает Е.Л. Писаревский, отношения в сфере туризма – это сложные общественные отношения, в которых принимают участие четыре стороны: туристская фирма, турист, государство, и организации туристской индустрии (перевозчики, средства размещения, предприятия общественного питания). В связи с тем, что осуществление туристической деятельности при отсутствии одной из названных сторон является невозможным, особое значение принимает координационная политика по созданию баланса между субъектами отношений в сфере туризма. Главным инструментом балансовой политики является действующее гражданско-правовое регулирование деятельности субъектов туристической индустрии [66].

Значимым юридическим фактом в отношениях туристской организации следует считать договор возмездного оказания туристических услуг, так как именно для возможности его заключения с заказчиками туроператоры вступают в различные договорные отношения с другими субъектами: перевозчиками, собственниками гостиниц, ресторанов и других объектов туристической инфраструктуры.

Несмотря на то, что договор возмездного оказания туристских услуг занимает одно из центральных мест в туризме, а также, в иных областях деятельности, активно исследоваться он стал лишь в последнее время. Это связано, прежде всего, со спецификой правового регулирования возмездного оказания услуг в целом. Ни дореволюционное российское законодательство, ни ГК БССР 1923 г., ни ГК БССР 1964 г. не выделяли договор возмездного оказания услуг в самостоятельный договорный тип. В Гражданском кодексе Республики Беларусь указанному договору посвящена глава 39. В.А. Богоненко отмечает, что как целостное и структурно завершенное правовое явление институт возмездного оказания услуг формализовался и закрепился лишь в действующем Гражданском кодексе [67, с. 304].

Согласно ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК РБ) существенными условиями договора являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [68]. Подобный перечень существенных условий содержится в ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации [69]. В.В.Витрянский отмечает, что по сравнению с ранее действовавшим законодательством утрачен один из источников определения существенных условий договора – характер самого договора. Наряду с существенными условиями договора, которые были признаны таковыми по закону, традиционно выделялись в качестве самостоятельных существенные условия договора, которые хотя и не признаны таковыми по закону, но необходимы для договоров данного вида [70]. В настоящее время этот пробел в правовом регулировании устранен.

В.Н. Годунов обращает внимание на наличие вопроса, нерешенного на уровне Гражданского кодекса, а именно: как определять существенные условия договора, если их перечень не содержится в законодательстве [71, с.121].

В постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров» установлено, что к существенными следует относить такие условия договора, которые следуют из сущности договоров данного вида [72].

Е.А. Суханов указывает, что в ряде случаев закон сам называет те или иные условия договора в качестве существенных [73, с. 96]. Перечень существенных условий договора оказания туристических услуг содержится в ст. 17 Закона Республики Беларусь «О туризме». Это:

- стоимость туристических услуг, сроки и порядок их оплаты;
- сведения об исполнителе, его месте нахождения (месте жительства индивидуального предпринимателя) и банковские реквизиты;
- сведения о заказчике в объеме, необходимом для оказания туристических услуг;
- программа туристического путешествия;
- права, обязанности и ответственность сторон;
- условия изменения и расторжения договора оказания туристических услуг, порядок урегулирования возникших споров и возмещения причиненных убытков (вреда);
- иные условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение [74].

Условие о предмете существенно для любого гражданско-правового договора. В связи с этим, можно считать, что условие о предмете, это единственное условие, без которого невозможно существование (наличие) ни одного гражданско-правового договора как юридического факта [75, 159].

Договор возмездного оказания услуг может быть выделен благодаря наличию особого предмета договора – услуге. Вместе с тем, выделение услуг в самостоятельный объект гражданских прав (ст. 128 ГК РБ) связано с целым рядом проблем в их правовой квалификации: в Гражданском кодексе

Республики Беларусь не содержится определение термина «услуга». Определение данного понятия приведено в п. 2 ст. 30 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь: «Услугой признается деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности» [76].

Исходя из указанного определения, возможно выделить три классифицирующих признака услуги: во-первых, это деятельность; во-вторых, конечный результат такой деятельности часто не имеет материально-овещественной формы; в-третьих, результат деятельности потребляется в процессе ее осуществления.

Для употребления приведенного понятия «услуга» применительно к предмету гражданско-правового договора существует определенная проблематика: в Налоговом кодексе определение установлено для целей налогообложения. Услуга в данном контексте, это такая деятельность, которая приносит доход и облагается соответствующим налогом. Законодателя в таком случае не интересует результат, получаемый заказчиком, более того, – наличие результата вообще.

Не случайно, что вопрос о характеристике категории «услуга» в праве остается до настоящего времени спорным.

Проф. А.Е. Шерстобитов разделяет предмет договора и предмет исполнения договора возмездного оказания услуг. В первом случае это действия или деятельность, во-втором – полученный заказчиком полезный эффект от совершения исполнителем определенных действий либо осуществления им определенной деятельности. При этом полезный эффект, полученный заказчиком по договору, носит нематериальный характер и в противоположность договору подряда никогда не выражается в появлении новой вещи или изменении (улучшении) потребительских свойств уже существующей [77, с. 40].

Согласно ст. 1 Закона «О туризме» в состав туристических услуг входят:

- услуги по перевозке;
- услуги по размещению;
- иные услуги (по питанию, организации туристического путешествия, экскурсионные и другие услуги), не являющиеся сопутствующими услугам по перевозке или размещению, оказание которых в комплексе услуг, входящих в тур, позволяет совершить туристическое путешествие в соответствии с его целями и потребностями туриста, экскурсанта [74].

В п. 4 СТБ 1352-2005. «Услуги туристские. Общие положения» в число туристских услуг включены оздоровительные туры (туры оздоровительного характера с отдыхом и (или) лечением на курорте), а также «прочие туры» [78].

Употребление выражения «прочие туры» означает, что перечень услуг, оказываемых субъектами туристической деятельности, может быть расширен, в том числе, за счет оказания дополнительных услуг, связанных с различными видами туризма. Учитывая специфику оздоровительного туризма, некоторые виды туристических услуг не должны включаться в договор на оказание туристических услуг по оздоровлению, как противоречащие основным целям договора. В частности, услуги, которые связаны с активным или экстремальным отдыхом.

В качестве предмета договора на оказание услуг по оздоровительному туризму, естественно выделить оздоровительные услуги, то есть, санаторно-курортное лечение, отдых, профилактику заболеваний, восстановление здоровья.

Непосредственно процедуры оздоровления и сопутствующего ему лечения предполагают применение специальных методов, которые, как правило, используются комплексно. Например, предлагаемая во многих оздоровительных учреждениях услуга «душ виши», представляющая собою

воздействие на отдыхающего водою из термальных источников, часто совмещается с процедурами по эстетическому уходу и с массажем. Перечень оздоровительных процедур весьма разнообразен и включает такие методики, как иглоукалывание, ароматерапию, различные виды саун и банных услуг, души, массажи, йогу и многое другое [79].

Постановлением Совета Министров от 12 ноября 2014 года № 1064 утверждены Правила оказания туристических услуг и типовая форма договора оказания туристических услуг. В Приложении 1 к договору на оказание туристических услуг в качестве обязательного условия определен перечень туристических услуг [80]. На наш взгляд, при заключении соответствующего договора на оказание услуг по оздоровительному туризму следует указывать полный перечень всех оздоровительных и лечебных услуг, которые будут предоставляться в рамках тура. Это позволит считать, что предмет данного вида гражданско-правового договора при его заключении определен.

П. 24 Правил оказания туристических услуг определяет, что из договора оказания туристических услуг не допускается исключение положений, предусмотренных в типовой форме договора оказания туристических услуг. Договор оказания туристических услуг может дополняться условиями, не противоречащими законодательству, в том числе в виде приложений к нему. В Приложении 1 к типовому договору на оказание туристических услуг, которое именуется «Программа туристического путешествия» в качестве обязательного условия определена: «Характеристика объектов для размещения туристов (их место нахождения, классификация по законодательству страны (места) временного пребывания, иная информация) [80].

В Республике Беларусь перечень объектов оздоровительного туризма нормативно определен. К санаторно-курортным организациям относятся санатории, студенческие санатории-профилактории, детские реабилитационно-оздоровительные центры. Перечень оздоровительных

организаций установлен открытым и включает профилактории, оздоровительные центры (комплексы), оздоровительные лагеря, дома (базы) отдыха, пансионаты, а также иные организации, одним из видов которых является оздоровление населения [81].

Поскольку перечень оздоровительных организаций установлен открытым, возникает правомерный вопрос: какие еще организации возможно отнести к оздоровительным?

В частности, Директива Президента Республики Беларусь от 31 августа 2015 года № 5 «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» определяет в числе задач Совета Министров в гуманитарной сфере: «до 1 января 2016 года совместно с китайскими партнерами разработать программу создания до 2018 года центров традиционной китайской медицины и центров традиционной китайской гимнастики в каждом областном центре Республики Беларусь» [82]. Указанные центры, на наш взгляд, будут являться разновидностью оздоровительных учреждений.

В связи с изложенным, для недопущения возникающих противоречий при исполнении договора, оправданно считать название и характеристику предлагаемого туристу оздоровительного учреждения существенным условием договора оказания услуг по оздоровительному туризму. Как указано, характеристика объекта включает название и классификационную характеристику объекта, его место расположения. В отношении «иной информации» следует уточнить: это может быть информация, установленная законодательством как обязательная для данного вида санаторно-курортного или оздоровительного учреждения, либо включаемая в договор по желанию заказчика. В обоих случаях такая информация относится к существенному условию рассматриваемой разновидности договора.

Участник будущего договора может заявить о своем желании включить в его содержание какое-либо условие, само по себе не являющееся необходимым или обязательным для договора. Поэтому, несмотря на

наличие Типового договора, потребитель вправе настаивать на включении в договор об оказании туристических услуг условий, которые, по его мнению, являются существенными. Только в этом случае договор считается заключенным (ч. 2 ст. 402 ГК РБ). При отсутствии соглашения по нему не получится совпадения волеизъявления сторон и договор необходимо считать незаключенным. Из этого следует, что наличие у сторон договора разногласий по любому из его условий влечет преобразование его в существенное, а сам же договор при наличии разногласий считается незаключенным.

Как правило, такие условия детализируют взаимоотношения сторон, что соответствует праву потребителя на получение информации об услугах, а также исполнителях (ст. 4 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей») [83]. Например, турист вправе потребовать предоставить ему сведения о перевозчике и транспортном средстве, характере рейса, правилах международных перевозок пассажиров и багажа и т.д. Отказ во включении в договор условий, на которых настаивает заказчик, заставляет предположить, что исполнитель не уверен в надлежащем исполнении своих обязательств или не намерен исполнять их должным образом.

Соответствующие права имеются и у другой стороны по договору – туристической организации. Однако, включение определенных условий, которые исполнитель посчитает необходимым, происходит с согласия заказчика (потребителя) и не должно нарушать его прав.

Практикой закреплены различные разновидности договора на оказание туристических услуг, а значит, возможна корректировка условий заключаемого договора в рамках Типовой формы в зависимости от вида оказываемых услуг. Поскольку при оказании оздоровительных услуг туристам предлагаются и медицинские услуги, п. 16 договора на оказание услуг по оздоровительному туризму возможно изложить в следующей редакции: «Стороны несут ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по настоящему договору в

соответствии с гражданским законодательством и законодательством о здравоохранении Республики Беларусь».

На основании изложенного, возможно сделать выводы о том, что существенные условия договора оказания оздоровительных туристических услуг включают:

1. Условия о предмете договора. Такие условия содержатся в ст. 1 и 17 Закона «О туризме» и должны быть указаны в программе туристического путешествия. Для исключения или минимизации возможности возникновения спорных ситуаций, сторонам желательно подробно согласовывать подробный перечень услуг по оздоровлению и санаторно-курортному лечению.

2. Условия, названные в законодательстве в качестве существенных условий для данного вида договора. Ст. 17 Закона «О туризме» содержит перечень таких условий, которые должны быть определены в договоре с учетом особенностей, характерных для оказания оздоровительных (санаторно-курортных) услуг потребителю.

3. Условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение становятся существенными. В частности, перечень услуг, включаемых в договор, может быть расширен за счет включения дополнительных услуг в рамках оздоровительного тура; договор может быть дополнен иными условиями по предложению заказчика или исполнителя.

Использование предлагаемой характеристики существенных условий при заключении указанной разновидности гражданско-правового договора может иметь положительные последствия в правоприменительной деятельности. Субъекты туристической деятельности и заказчики туристических услуг смогут избежать или минимизировать возможность возникновения спорных ситуаций в связи с ненадлежащим согласованием условий договора.

2.5 Правовая природа интернет-сайта в Республике Беларусь и в Российской Федерации: общие положения

В настоящее время наблюдается широкое включение интернет-сайтов в гражданский оборот. Развитие технологий ставит новые, ранее не известные правовые проблемы. В доктрине ведется активная дискуссия относительно правовой сущности интернет-сайта, его специфических признаков и правового режима. Следовательно, имеется необходимость в систематизации существующих идей, их анализе и обобщении. Необходимым является выработка эффективного правового регулирования общественных отношений, связанных с разработкой, функционированием, передачей прав на интернет-сайт на основе разработки новых подходов к теоретико-правовым проблемам в целом, и их закреплению на законодательном уровне.

В представленной работе ставятся задачи: исследовать понятие и правовую природу интернет-сайта и его правовой режим; проанализировать интернет-сайт на предмет наличия у него признаков сложного объекта; рассмотреть интернет-сайт сквозь призму критериев, необходимых для отнесения произведения к числу мультимедийных произведений; изучить доктринальные положения, законодательные акты, судебную практику в рамках обозначенной темы исследования.

Методологическую основу исследования составили: общие логические методы, в том числе метод индукции и метод дедукции, анализа и синтеза; метод моделирования; метод системного анализа; метод формально-юридического толкования; метод сравнительного правоведения.

Вопросы правовой природы интернет-сайта становились предметом исследований В.О. Калятина [84] [85], С.В. Петровского [86], С.И. Семилетова [87]. В рамках диссертационных работ правовой режим интернет-сайта исследовался Е.С. Басмановой [88], П.В. Бабарыкиным [89], А.А.

Кравченко[90]. Анализ правового режима интернет-сайта как сложного объекта проводила Е.А. Мазур [91].

В Республике Беларусь рассмотрению правовой природы интернет-сайта посвящены работы С.В. Овсейко [92], В.В. Рачковского [93], Е.А. Соколовой [94], О. Любич [95] и др.

Для понимания правовой природы интернет-сайта представляется целесообразным провести комплексный анализ данного явления, определить понятие исследуемого объекта, выделить существенные признаки, изучить доктринальные и законодательные положения, а также судебную практику в отношении правовой природы интернет-сайта.

Слово «сайт» происходит от английского site-место и определяется как место в сети Интернет, отводимое пользователю этой сети (лицу или учреждению) для размещения на нём визуальной информации. [96, с. 470]; набор взаимосвязанных страниц в сети Интернет [97, с.522].

Большая компьютерная энциклопедия характеризует сайт с технической стороны как «определенное сочетание веб-страниц, находящееся на дисковом пространстве серверных компьютеров и имеющее свой собственный независимый URL –адрес» [98, с.222]. Новейший словарь иностранных слов предлагает более широкое определение сайта: компьютерные ресурсы (память RAM и ROM, быстродействие и др.) предоставляемые владельцем веб-сервера пользователям Интернета для размещения своих веб-страниц (последние создаются при помощи специальных компьютерных программ) бесплатно или за деньги; отличительная черта веб-страницы – наличие гиперссылок, благодаря которым осуществляется переход от одной веб-страницы к другой как в пределах текущего веб-сайта, так и с уходом на другой веб-сайт [99, с.166].

На основании предложенных определений, можно сделать вывод, что с развитием информационно-коммуникационных технологий смысловое значение термина «интернет-сайт» претерпело изменения в сторону более широкого толкования и обогащения квалифицирующими признаками.

Обратимся к правовым источникам, определяющим правовую природу интернет-сайта.

В ранее действующем Положении о сопровождении интернет-сайтов республиканских органов, иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11.02. 2006 №192 в п.2 сайт определялся как «источник информации в глобальной компьютерной сети Интернет о деятельности республиканского органа». Указанное постановление утратило силу Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645. В Новом Постановлении определение термина «сайт» отсутствует.

Категория «интернет-сайт» прямо не раскрывается в белорусском законодательстве, однако в ряде нормативных правовых актов встречается упоминание категорий «официальный сайт государственных органов», «информационный Правительственный сайт», «интернет-сайт», «веб-сайт».

Так, в ст.21 Закона Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации» официальные сайты государственных органов отнесены к информационным ресурсам глобальной компьютерной сети Интернет. В соответствии с рассматриваемым законом информационный ресурс – организованная совокупность документированной информации, включающая базы данных, другие совокупности взаимосвязанной информации в информационных системах (ст.1).

В абз.2 п.2 Положения о порядке ограничения доступа к информационным ресурсам (их составным частям), размещенным в глобальной компьютерной сети Интернет интернет-сайт отнесен законодателем к информационному ресурсу, размещенному в сети Интернет [100].

В абз. 2 п.2 Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 июля 2005 г. №764 «Об информационном Правительственном сайте» определено, что информационный Правительственный сайт - является

государственным информационным ресурсом круглосуточного функционирования в глобальной компьютерной сети Интернет, содержащим сведения, предназначенные для информирования ее пользователей в республике и за рубежом о деятельности Совета Министров Республики Беларусь [101].

В тексте Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» употребляется термин «веб-сайт».

Приведенные выше понятия демонстрируют отсутствие единообразия терминологии на законодательном уровне. Наравне с терминами «сайт», используются термины «официальный сайт государственных органов», «информационный Правительственный сайт», «интернет-сайт».

В доктринальных источниках в отношении исследуемого явления также не выработано единого подхода, авторами используются различные термины: «сайт», «веб-сайт», «интернет-сайт», «сайт в сети интернет» и др. Представляется необходимым приведение терминологии на законодательном уровне в единообразное состояние. Разрешение проблем с терминологией И.М. Рассолов видит в принятии специального модельного закона о правовом регулировании Интернета в рамках Содружества Независимых государств [102, с.139].

На уровне модельного законодательства Содружества Независимых государств используется термин «сайт».

Единообразное понимание категории «сайт» характерно для Модельного закона «Об информатизации, информации и защите информации», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 18 ноября 2005 г. № 26-7 и Модельного закона «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. № 40-15.

В данных модельных законах сайт определяется как «информация, размещенная в информационно-телекоммуникационной сети по определенным сетевым адресам, в совокупности с комплексом исключительных прав (на доменные имена, базы данных и компьютерные программы), осуществление которых обеспечивает доступ к такой информации» [103] [21].

Однако в других модельных законах единообразие терминологии отсутствует.

Так в ст. 2 Модельного закона «Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых от 28 ноября 2014 г. № 41-15 сайт рассматривается как «информационный объект в телекоммуникационной системе Интернета, предназначенный для размещения официальной или авторизованной информации с целью доступа к ней пользователей в телекоммуникационной сети по определенным сетевым адресам» [105].

В ст. 2 Модельного закона «Об электронных государственных услугах», принятого постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 7 апреля 2010 г. № 34-7 сайт определяется как «совокупность страниц, связанная общим именем и доступная в информационно-телекоммуникационной сети через определенные системы передачи данных» [106].

Анализа положений Модельного законодательства стран СНГ, позволяет констатировать отсутствие единообразного понимания категории «сайт».

Законодатель Республики Беларусь рассматривает интернет-сайт, прежде всего, как информационный ресурс [107, с.76]. Однако интернет-сайт необходимо понимать более широко, чем средство массовой информации. Ответа на вопрос, каким объектом гражданских прав является интернет-сайт, в законодательстве Республики Беларусь не содержится. Отсутствие

законодательного закрепления и конкретизации режима интернет-сайта представляется значительным юридическим пробелом.

В Российской Федерации четкое и однозначное определение интернет-сайта содержится в Федеральном законе от 27.07.2006 №149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В соответствии с п.13 ст.2 указанного закона сайт в сети Интернет – «совокупность программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по доменным именам и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет» [108].

Интернет-сайт в Российской Федерации отнесет к объектам авторских прав - составным произведениям (п.2 ст.1260 ГК РФ), то есть произведениям, представляющим собой результат творческого труда по подбору или расположению материалов (пп.2 п.2 ст.1259 ГК РФ).

В целом, данная законодательная инициатива заслуживает позитивной оценки, однако, как отмечает Е.А. Кондратьева, вопрос относительно правовой охраны интернет-сайта в законодательстве Российской Федерации в не разрешен в полной мере, поскольку законодательное определение интернет-сайта в виде дополнения в ст.1260 связано лишь с содержательной частью интернет-сайта, а техническая и дизайнерские составляющие при данном подходе не получили должной правовой охраны [109, с.39].

Критикует такой нормативный подход и А.А. Кравченко, указывая на то обстоятельство, что состав интернет-сайта не ограничивается лишь объектами авторского права и смежных прав [90, с.9]. Позиция автора представляется обоснованной, поскольку в составе интернет-сайта могут присутствовать объекты патентного права, права на средства индивидуализации (товарные знаки, коммерческие обозначения и т.п.), права на секрет производства и права на топологию интегральных микросхем. В

такой ситуации интересы правообладателей на эти объекты должны регулироваться дополнительно.

Здесь сделаем оговорку относительно употребляемой терминологии. Так, не обращаясь к вопросу о разграничении понятий существующих в науке и законодательстве, в данном исследовании будем использовать термин «интернет-сайт».

Далее рассмотрим существующие подходы в отношении правового режима интернет-сайта. Придерживаясь цели настоящего исследования, сконцентрируем внимание на рассмотрении вопроса о возможности отнесения отдельных видов интернет-сайтов к числу мультимедийных произведений.

В юридической науке мнения относительно определения правовой природы интернет-сайта разделялись. Попытки осмыслить данное явление предпринимались в доктрине с момента возникновения исследуемого объекта.

По мнению С.В. Овсейко термин «интернет-сайт» можно рассматривать с организационной, технической и юридической точек зрения [92, с.57]. Поскольку интернет-сайт - это сложный объект, в состав которого могут входить разнородные результаты интеллектуальной деятельности, обозначенная позиция представляется обоснованной.

С технической стороны интернет-сайт часто определяют посредством описания его содержательной стороны. Так, Т.М. Третьяк рассматривает интернет-сайт как совокупность нескольких веб-страниц, объединенных общей темой и служащих общей цели [110, с.97]. Е.А. Соколова указывает, что интернет-сайт - это «совокупность объединенных общим замыслом гипертекстовых документов и программного обеспечения, необходимого для их функционирования» [94, с.97]. С.В. Овсейко полагает, что с позиции hardware (программного обеспечения) сайт представляет собой «часть дискового пространства сервера, принадлежащего самому владельцу сайта, либо хостинг-провайдеру [92. с.61].

Характеристика интернет-сайта с технической стороны способствует установлению особенностей устройства и функционирования сайта, однако не позволяет в полной мере исследовать интернет-сайт как охраняемый результат интеллектуальной деятельности.

С юридической точки зрения интернет-сайт, прежде всего, рассматривают как совокупность результатов интеллектуальной деятельности. Согласно определению Е.А. Мазур, интернет-сайт – это «представленная в объективной форме совокупность результатов интеллектуальной деятельности, систематизированная в единый объект таким образом, чтобы он мог быть размещен в сети Интернет» [91, с.134]. Е.С. Басманова характеризует интернет-сайт как результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для размещения в сети Интернет, состоящий из неизменного базового элемента, представляющего собой программный (объектный) код и порождаемые им визуальные отображения (дизайн сайта), и элементов содержания (контента), системно расположенных в пределах базового элемента и заменяемых с течением времени [88, с.10]. Предложенное автором определение содержит ключевые элементы интернет-сайта: программный код, дизайн и контент интернет-сайта.

Относительно правового режима интернет-сайта в юридической науке единство мнений также отсутствует. Проанализируем существующие варианты последовательно.

И.В. Хломко приходит к выводу о том, что интернет-сайт является объектом авторского права [107, с.78] и предлагает рассматривать его как предназначенный для размещения в глобальной сети Интернет под определенным сетевым адресом результат интеллектуальной деятельности, состоящий из программного кода порождаемых им системно расположенных визуальных отображений, включающих в себя совокупность разнородных объектов исключительных прав и иных материалов [111, с.28].

Аналогичный вывод делает М. Новицкая, исследуя правовую природу договора на создание веб-сайта [112, с.39].

С. Петровский при поиске оптимального механизма охраны и предупреждения нарушений прав на интернет-сайт, приходит к выводу о возможности использования механизмов охраны, используемых для баз данных, поскольку совокупность гипертекстовых документов, систематизированная в информационном ресурсе (на сайте) - представляет собой базу данных [86, с.64].

Анализируя правовую природу интернет-сайта, Д.А. Петров указывает на возможность его рассмотрения как самостоятельного составного произведения [113]. Схожей позиции придерживается О. Любич [95, с.78].

Указанный подход нашел отражение в судебной практике Российской Федерации[114].

Однако, по мнению В.О. Калятина, подобный подход представляется не достаточно эффективным, так как на практике «признание особых прав у составителя сборника имеет целью защитить творческие усилия составителя, но не подменить права на объекты, включенные в сборник. Иначе говоря, уравнивание сайта со сборником означает только, что лицо, занимавшееся организацией сайта может претендовать на защиту против подражания третьими лицами в структуре сайта и последовательности размещения материала, но приобретения этих прав будет еще недостаточно для правомерного использования сайта без получения прав на использование всех материалов, размещенных на сайте» [85, с. 27].

В составных произведениях авторское право распространяется не на само произведение в целом, а на осуществленные авторами таких произведений подбор или расположение материалов (составительство).

Указанный признак отличает составные произведения от сложных объектов, которые включают в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, но охраняются как единое произведение.

Согласно подходу С.И. Семилетова, интернет-сайт представляет собой набор электронных документов в виде программных файлов,

увязанных в систему и размещенных в домене хост-сервера по определенному адресу, отображение которых посредством обращения электронной программы-браузера пользователя к данному интернет-сайту на экране его дисплея представляется в виде законченного авторского графического аудиовизуального произведения из нескольких веб-страничек, доступного любому пользователю Интернет, обратившемуся по данному адресу [87, с. 57].

Данная позиция представляется необоснованной, поскольку аудиовизуальное произведение имеет ряд специфических признаков: состоит из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения их звуком), создающих впечатление движения, и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств.

К аудиовизуальным произведениям относятся кинематографические и иные произведения (телефильмы, видеофильмы и подобные произведения), выраженные средствами, аналогичными кинематографии, независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации [115].

Представляется невозможным отождествление интернет-сайт и аудиовизуального произведения, поскольку он не является произведением, состоящим из зафиксированной серии связанных между собой изображений, предназначенным для зрительного и слухового восприятия. На данное обстоятельство также указывает Е.С. Котенко [116, с.98].

На возможность отнесения интернет-сайта к числу мультимедийных произведений, указывалось в работах В.В. Лебедь, [117, с.75]. В.Н. Лопатина [118 с.33], О.В. Лутковой, Л.В. Терентьевой, Б.А. Шахназарова [119, с. 170], Е.С. Котенко [116, с.92], А.А. Кравченко [90, с. 138].

Интернет-сайт как мультимедийное произведение, отмечает П.В. Бабарыкин, - это «сложный объект, созданный таким образом, чтобы составляющие его материалы могли быть найдены и обработаны с помощью

технологий Интернет» [120, с.85]. Однако сложный объект – это понятие более широкое. В законодательстве Республики Беларусь такой объект интеллектуальной собственности не упоминается. В гражданском кодексе Российской Федерации содержится закрытый перечень сложных объектов, к числу которых отнесены: кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театральное-зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных (п.1 ст.1240 ГК РФ). Законодатель определяет сложный объект в ст.1240 не с точки зрения сложности процесса создания этого объекта (творчества), а исходя из его юридической сложности, указывая на то, что он включает именно результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые законодательством [121, с.51]. Сложность в данном случае подразумевает взаимосвязанный, системный характер результатов интеллектуальной деятельности в структуре сложного объекта.

В отличие от сложных произведений, составные произведения носят вторичный характер, так как создаются на основе других произведения. В данном случае не возникает новых оригинальных произведений, поскольку авторские права распространяются не на само составное произведение в целом, а на осуществленные авторами таких произведений подбор или расположение материалов (составительство) (п.2 ст. 1260 ГК РФ).

Для отнесения интернет-сайта к числу мультимедийных произведений, он должен обладать специфическими признаками, присущими данному виду объектов. Рассмотрим более подробно обозначенный вопрос.

Мультимедийное произведение является одной из разновидностей произведений, охраняемых авторским правом. Прямого упоминания в законодательстве Республике Беларусь о мультимедийных произведениях не содержится. Однако перечень произведений, охраняемых авторским правом, в Республике Беларусь носит открытый характер. Законодатель ограничивается указанием признаков, при наличии которых произведение может получить авторско-правовую охрану. В соответствии с п.1 ст. 6 Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 года «Об авторском праве и смежных

правах» авторское право распространяется на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведений, а также способа их выражения. В п.2 рассматриваемой статьи указано, что авторское право распространяется как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, существующие в какой-либо объективной форме.

Таким образом, для признания объектом авторского права, мультимедийное произведение должно обладать двумя основными признаками: являться результатом творческой деятельности и иметь объективную форму существования, а также иметь специальные признаки, позволяющие отграничить данное явление от других объектов.

Анализ доктринальных положений позволяет заключить, что для отнесения того или иного объекта к числу мультимедийных произведений, необходимо наличие совокупности следующих специальных признаков: присутствие в структуре нескольких разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, являющихся самостоятельными объектами авторских прав; существование в электронной (цифровой форме); функционирование в процессе взаимодействия с пользователем (интерактивность); имитации объективной реальности или отображение вымышленного автором мира с помощью компьютерных технологий (виртуальность); наличие в структуре компьютерной программы.

Рассматривая интернет-сайт в качестве мультимедийного произведения, необходимо проанализировать его на предмет наличия перечисленных выше признаков.

Во-первых, для предоставления объекту охраны нормами авторского права, произведение должно быть результатом творческой деятельности.

Создание интернет-сайта представляет собой сложный процесс по разработке единого объекта и состоит из ряда этапов (разработка дизайна, вёрстка страниц сайта, сборка готовых веб-страниц в целостную

иерархическую структуру, наполнение контента сайта), которые, как правило, являются результатом творческой деятельности авторов.

Е.А. Соколова отмечает, что процесс создания сайта – это творческая, а не техническая или механическая деятельность [94, с.97]. Однако современные технологии упрощают создание произведений в электронной (цифровой) форме, тем самым снижая самостоятельность труда автора. Если на одном из этапов создания интернет-сайта будет преобладать техническая составляющая и отсутствовать творческая деятельность, результат, полученный на данном этапе может являться неохраноспособным [93, с.37].

Во-вторых, интернет-сайт должен иметь объективную форму существования. На существование интерне-сайта в электронной (цифровой) форме указывается в работах П.В. Бабарыкина [89, с.51], А.А. Кравченко [90, с.100], Е.С. Котенко [116, с.97]. Данное утверждение в доктрине не оспаривается.

В третьих, наличие в структуре нескольких разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, являющихся самостоятельными объектами авторских прав. Следует также заметить, что для признания произведения мультимедийным, оно должно иметь усложненность (многослойность) структуры.

Многослойность как специфическая черта одного из сложных объектов – аудиовизуального произведения, была выделена В.А. Дозорцевым [39, с.147]. Автор отмечал, что «многослойный интеллектуальный продукт существует в целом, включает все составляющие, без любого из них его объективно нет, хотя многие элементы могут быть использованы и обособлено, отдельно» [122, с.147].

Анализируя структуру сложных объектов и их внутреннюю организацию, Е.С. Басманова выделила ряд важных признаков исследуемых объектов. Автор приходит к выводу, что элементы в составе сложного объекта расположены не линейно, занимая равнозначные позиции, как это имеет место в составном произведении, но системно, среди них наблюдается

не равенство, а взаимозависимость; элементы, по своей природе не однотипные, представляющие собой разные категории результатов интеллектуальной деятельности, как бы наслаиваются друг на друга [88, с.82].

Многослойность, как специфическая черта характерна и для других сложных произведений, к числу которых отнесены мультимедийные произведения. Следовательно, для мультимедийных произведений характерно наличие в структуре системно расположенных взаимозависимых разнородных результатов интеллектуальной деятельности.

Интернет-сайт может быть отнесен к числу мультимедийных произведений, если он имеет сложную структуру, образованную совокупностью разнородных охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и представляют собой единое целое (обладает признаком единства). Данная позиция в отношении сложных объектов нашла отражение в заключении Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможности применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [123].

Для признания интернет-сайта мультимедийным произведением он должен является единым (не составным) произведением и иметь сложную структуру. Сложная структура интернет-сайта должна заключаться в том, как отмечает Е.С. Басманова, что он состоит из множества объектов имеющих различную правовую природу, которые расположены не собирательно, а иерархически, системно [124, с.119]. Системообразующим элементом служит HTML код, задающий формат гипертекстовых страниц, отвечающий за их дизайн и форму расположения объектов в их пределах. Гипертекстовые страницы соединены гипертекстовыми ссылками, в результате установления которых сайт приобретает целостную иерархическую структуру [124, с.119].

В-четвертых, интернет-сайт должен быть интерактивным. Определение интерактивности, как признака мультимедийного

произведения, в современной науке неоднозначно. Его трактовки варьируются в зависимости от поставленных перед исследователем задач.

Применительно к данному исследованию, под интерактивностью будем понимать: свойство мультимедийного произведения, свидетельствующее о его функционировании в процессе взаимодействия с пользователем, посредством компьютерной программы. Пользователь должен принимать активное участие при взаимодействии с мультимедийным произведением.

По взаимодействию с пользователем сайты делятся на пассивные и интерактивные. Пассивные сайты – это сайты с пассивными веб–страницами. На этих сайтах пользователь имеет возможность только просматривать информацию на веб-страницах. Поскольку в данном случае отсутствует элемент интерактивного взаимодействия, пассивные сайты не могут рассматриваться как мультимедийные произведения.

Интерактивные сайты – это сайты с активными веб-страницами. При работе с интернет-сайтом пользователь, как правило, осуществляет с ним интерактивное взаимодействие. Обычно под интерактивностью понимают набор средств, которые зависят от действий посетителя.

В – пятых, интернет-сайт должен обладать виртуальностью.

Как и многие активно изучаемые явления, категория «виртуальный» рассматривается с позиции различных дисциплин, соответственно имеет множество ракурсов осмысления. Виртуальный [лат. *virtualis*]- возможный; такой, который может или должен проявиться при определенных условиях [125, с.106]. Виртуальный – кажущийся, иллюзорный; виртуальность – осознанное искусственное воспроизведение иллюзий реально существующих объектов» [98, с.52]. Виртуальная реальность – продукт машинной переработки информации, создающий эффект присутствия и возможность управления новой реальностью, создаваемой путем моделирования средствами современной компьютерной техники [126, с.96].

Таким образом, виртуальность можно охарактеризовать как свойство результата интеллектуальной деятельности, проявляющееся при создании имитации объективной реальности или отображения вымышленного автором мира с помощью компьютерных технологий.

В основе мультимедийных произведений лежит виртуальная реальность - имитация физических законов и их визуальная демонстрация.

По своей природе интернет-сайт виртуален. С данной характеристикой соглашается большинство исследователей [95, с.78].

В – шестых, наличие в структуре компьютерной программы. Техническую составляющую интернет-сайта представляет компьютерная программа (или совокупность компьютерных программ).

Таким образом, при наличии совокупности рассмотренных выше признаков интернет-сайт может быть отнесен к числу мультимедийных произведений.

На основании рассмотренных законодательных и доктринальных подходов к определению понятия «интернет-сайт», можно сделать вывод о том, что с развитием информационно-коммуникационных технологий смысловое значение термина «интернет-сайт» претерпело изменения в сторону более широкого толкования и обогащения квалифицирующими признаками.

В настоящее время на законодательном и доктринальном уровне наблюдается отсутствие единообразия терминологии. Наравне с терминами «сайт», используются термины «официальный сайт государственных органов», «информационный Правительственный сайт», «интернет-сайт», «сайт», «веб-сайт», «интернет-сайт», «сайт в сети интернет» и др.

На уровне модельного законодательства Содружества Независимых государств используется термин «сайт».

Представляется необходимым приведение терминологии на законодательном уровне в единообразное состояние.

Существующее правовое регулирование в отношении интернет-сайтов в Республике Беларусь, прежде всего, касается сферы оборота информации и имеет ограничения по поводу его реализации в гражданских правоотношениях. Ответа на вопрос, каким объектом гражданских прав является интернет-сайт, в законодательстве Республики Беларусь не содержится. Отсутствие законодательного закрепления и конкретизации режима интернет-сайта представляется значительным юридическим пробелом.

Суммируя существующие воззрения в отношении правовой природы интернет-сайта, можно констатировать, что интернет-сайт в доктрине характеризуют как имеющий сложную организацию самостоятельный объект, которому присущи определенные черты других объектов авторского права. Данная позиция находит подтверждение и в юридической науке. В частности, О. Любич отмечает: несмотря на то, что часто интернет-сайт содержит в своей структуре компьютерную программу, базу данных, иные объекты интеллектуальной собственности и информацию он не может быть отождествлен в полной мере не с одним из перечисленных (существующих) объектов [95, с.78]. Объясняется это сложностью рассматриваемого объекта. При определении правового режима сайта необходимо учитывать техническую, дизайнерскую и его содержательную часть.

В белорусском законодательстве отсутствует категория «мультимедийное произведение», что не исключает возможность теоретического отнесения интернет-сайта к таковому. Интернет-сайт, обладающий признаками виртуальности и интерактивности, имеющий в своей структуре компьютерную программу, а также расположенные многослойно неоднородные результаты интеллектуальной деятельности может быть отнесен к числу мультимедийных произведений.

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости нормативно-правового регулирования и определения правового режима интернет-сайта в праве Республики Беларусь. Представляется необходимым

выработка научно обоснованного определения, учитывающего всю специфику исследуемого объекта и закрепления дефиниции на законодательном уровне.

2.6 Доменное имя как объект гражданских прав (на примере Республики Беларусь)

Функционирование сети Интернет включает в себя систему доменных имен, являющихся особой надстройкой, одним из средств интернет-адресации. Структура управления интернет-адресацией является прямым следствием исторических обстоятельств ее возникновения. Наиболее сбалансированным среди подходов к пониманию проблемы важности определения понятия «Интернет» является технико-социологический подход. В его рамках подчеркиваются такие основные характеристики Интернета, как:

- Интернет – глобальный коммуникационный мультимедийный канал;
- Интернет – общедоступное хранилище информации; всемирная библиотека, архив;
- Интернет – средство социализации и самореализации.

Доменные имена являются неотъемлемой частью общего механизма функционирования сети Интернет, осуществляя не только обеспечение адресации запросов в этой информационно-коммуникационной сети, но и позволяя индивидуализировать информационные ресурсы. В настоящее время можно говорить о двух основополагающих функциях присущих доменным именам – адресации и индивидуализации.

Правоотношения, складывающиеся в рамках управления системой доменных имен, носят гражданско-правовой, а не административный характер, поскольку ни один из субъектов не обладает по отношению к другому какими бы то ни было властными полномочиями, а управление строится посредством заключения между субъектами гражданско-правовых договоров. Исключением является возможность для государства определять политику в отношении соответствующей национальной доменной зоны: указанную политику будет проводить в жизнь не государственный орган, а

организация, не наделенная властными полномочиями, посредством установления правил.

Доменные имена верхнего уровня и доменные имена второго и последующих уровней с правовой точки зрения, имеют разную правовую природу. Администрирование доменного имени верхнего уровня не может рассматриваться в качестве имущественного права, т.к. оно представляет собой полномочие необходимое для выполнения взятых на себя в рамках такого соглашения обязательств. Доменные имена второго и последующих уровней как объект гражданского права представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства в сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства. Указанное право может быть передано полностью или в части, на возмездной или безвозмездной основе по сделке или же перейти к другому лицу в силу закона.

Доменное имя можно определить как средство индивидуализации информационного ресурса в компьютерной сети Интернет. При этом признаки доменного имени как объекта гражданского права могут быть сформулированы следующим образом:

– дискретность. Доменное имя обладает учетной определенностью и обособленностью как объекта гражданских прав от других объектов. Доменное имя, несмотря на сходство в некоторых аспектах с другими законодательно выделенными объектами, несет отпечаток своего технического предназначения: имеет уникальный набор признаков;

– юридическая привязка. Возможность правового закрепления доменного имени за субъектом гражданского права, проявляющаяся через такие юридические конструкции, как регистрация в особом органе (юридическом лице), возможность пользоваться доменным именем и распоряжаться правами на него законодательно установленными способами (договорным путем). Появление каждого нового доменного имени связано с регистрацией, проистекающей из гражданско-правовых договорных

отношений между регистратором и заявителем (администратором доменного имени), но такие отношения не представляют собой государственную регистрацию в их традиционном понимании, т.к. регистратор является не государственным органом в обычном понимании, а юридическим лицом;

– системность. Доменное имя существует не обособлено, а вписывается в систему права и обладает внутренней упорядоченностью. Ситуация с доменными именами противоречивая – с одной стороны в Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует указание на них как на объекты, с другой стороны права на доменные имена объективно вошли в число объектов гражданского оборота (т.к. могут свободно (за исключением некоторых категорий доменных имен, круг обладателей которых ограничен в силу специфики той или иной доменной зоны, например «.gov.by», предназначенный для государственных органов) отчуждаться и переходить от одного лица к другому).

Правоотношения, связанные с использованием доменных имен могут носить международный характер, ввиду того, что осложнены иностранным элементом (к примеру, субъект(ы), принадлежат разным государствам; правоотношение возникает, осуществляется или прекращается, находится за пределами страны, которой принадлежит хотя бы один из участников правоотношения; юридический факт, послуживший основой возникновения, изменения или прекращения обязательства, имел место за пределами государства, к которому принадлежит одна из сторон правоотношения). В том случае, когда в гражданско-правовых отношениях, связанных с использованием доменных имен, присутствует один из таких видов элемента, говорят, что в данных правоотношениях присутствует иностранный элемент, и данные правоотношения представляют сферу международного частного права. Международное частное право сочетает в себе нормативные правила и предписания в большинстве своем национального характера, что обеспечивает реальную возможность их исполнения, и, одновременно,

отражает особенности правоотношений с иностранным элементом, что является необходимым, учитывая специфику Интернета как глобальной сети.

В настоящее время на международном уровне фактически не выработано общего подхода к пониманию места доменного имени в системе объектов гражданских прав. Законодательство ряда государств относит аспекты регулирования отношений в сети Интернет к ведению права интеллектуальной собственности. Регистрация и пользование доменными именами осуществляется, как правило, на договорной основе, что может служить базой для включения их в систему обязательственного права.

В юридической литературе сложилось несколько противоречивых точек зрения относительно правовой природы доменных имен: доменное имя не является самостоятельным средством индивидуализации, объектом интеллектуальной собственности и приравнивается к телефонному номеру или почтовому адресу, доменное имя может быть вообще никак не связано со средством индивидуализации какого-либо конкретного лица или его продукции, но может являться самостоятельным средством индивидуализации информационного ресурса; доменные имена являются новым средством индивидуализации с особым правовым режимом.

Как отмечает В.А.Колосов, возможно выделить две основные точки зрения на юридическую природу прав на доменное имя. Можно отнести доменное имя к имуществу, а можно воспринимать доменное имя лишь как услугу регистратора по заключенному договору, поскольку права на доменное имя возникают на основании договора и из него, они носят относительный характер и могут реализовываться только на основании договора с соответствующим регистратором и в рамках условий такого договора [128].

Представляет особый интерес подход Т.З. Шалаевой, которая рассматривает доменное имя как объект правоотношений и предлагает его исследовать с позиций объекта исключительного права, средства индивидуализации информационных сетевых ресурсов Доменное имя в

данном случае приравнено к результатам интеллектуальной деятельности либо средствам индивидуализации, приравненным к ним [129, с. 44].

Принимая во внимание, что в настоящее время доменные имена участвуют в гражданском обороте и на указанные объекты передаются некие объемы прав, представляется целесообразным определить правовую природу доменного имени, выявить возможный объем приобретаемых и передаваемых прав на доменные имена, и на основании полученных результатов предложить правовое определение доменному имени.

Среди отечественных и зарубежных юристов существует несколько точек зрения относительно правовой природы доменного имени.

В частности, В.О. Калятин разделяет понятия «домен» (понимая под ней область адресного пространства) и «доменное имя» (представляемое в качестве словесной формы конкретного адреса). По его мнению, «доменное имя – это зарегистрированное в установленном порядке словесно-цифровое обозначение, заменяющее при взаимодействии человека с компьютером цифровой IP-адрес компьютера, подключенного к сети» [130, с. 33], в то время как «домен – это область пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен и централизовано администрируется» [130, с. 33].

Однако указанные определения касаются технической стороны функционирования доменных имен и не отражают в полном объеме такой особенности доменных имен, как выполнение функции по индивидуализации информационного ресурса.

Существующая в научной литературе позиция, что доменное имя не может относиться к средствам индивидуализации, обосновываемая отсутствием этого объекта среди прямо названных законом охраняемых средств индивидуализации, представляется неоправданно суживающей сферу правового воздействия, поскольку в законодательстве перечислены не все средства индивидуализации, а только те, которым предоставляется правовая охрана. В то же время законодательство фактически содержит специальные

правовые режимы для ряда средств индивидуализации, не указанных в законодательстве (названия произведений литературы, науки, искусства, средств массовой информации, фамилии и псевдонимы и т.д.) и прямо допускает возможность использования как в коммерческой, так и в иной деятельности иных средств индивидуализации, не предусмотренных Гражданским кодексом Республики Беларусь.

Основные сущностные характеристики доменного имени как объекта гражданского права:

1) основной функцией доменного имени является индивидуализация информационного ресурса; индивидуализация иных объектов и субъектов также может осуществляться, но лишь в качестве «вторичной» функции;

2) доменное имя всегда является уникальным в масштабах не только национального, но и всего мирового адресного пространства;

3) доменное имя может быть выражено только ограниченным набором символов (буквы алфавита, цифры и дефис);

4) доменное имя должно удовлетворять техническим требованиям функционирования в сети Интернет (состоять более чем из одного символа; не может начинаться и/или заканчиваться дефисом; третьим и четвертым символом доменного имени не могут одновременно быть дефисы).

Доменное имя – фактически объект гражданских прав, не включенный в официальный перечень Гражданского кодекса Республики Беларусь, неохраняемый результат интеллектуальной деятельности, технически выполняющий функцию адресации в сети Интернет, в предпринимательской деятельности выполняющий функции индивидуализации сетевых ресурсов и товаров, работ, услуг и предприятий при наличии организационной связи с сайтом в сети Интернет.

Определить правовую сущность исследуемого понятия можно при помощи выявления его основных функций. Правовед Звягин В.А., к примеру, определил следующие функции доменных имен: адресная, идентификационная, информационная, функция географической привязки.

Адресная функция, по его мнению, является первоочередной, по той причине, что доменное имя и было создано для направления пользователя к информационному интернет-ресурсу. В последующем, когда пользователь уже был адресован на нужный ему ресурс, наступают фазы идентификации и индивидуализации. Доменное имя выступает как средство индивидуализации сетевого ресурса. Функция географической привязки имеет место не всегда, ведь согласно законодательству некоторых стран, не обязательно являться резидентом страны, чтобы зарегистрировать доменное имя в данной национальной зоне [131, с. 9–10].

В странах Европы определяющее значение в спорах по доменным именам играет Европейский Суд по правам человека. Подход Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по природе прав на доменное имя отражено в следующей ситуации. При рассмотрении дела «РАЕФФГЕН ГМБН против Германии» в 2007 году Европейский Суд по правам человека четко изложил свой подход к вопросам о правах на доменное имя. По мнению Суда, любое лицо обладает исключительным правом на пользование и распоряжение своим имуществом, в том числе объектами интеллектуальной собственности и лицензиями. Так как доменное имя само по себе обладает экономической ценностью, к вопросу о соотношении права на доменное имя и права на товарный знак следует подходить индивидуально в каждом конкретном случае. Следует с особым вниманием разрешать споры по доменным именам, таким образом, чтобы не нарушить права на близкие им или одноименные средства индивидуализации. В своем решении по вышеупомянутому делу Европейский Суд указал на то, что владелец доменного имени может определять способы его использования, что сближает его с объектом собственности и что позволяет при защите прав на доменное имя обращаться к статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Теория собственности, описанная в ст. 1 Протокола №1, «имеет самостоятельное значение, которое не ограничивается владением только

материальными вещами и которое не зависит от формальной классификации в национальном праве. Другие конкретные права и интересы, образующие имущество, также могут рассматриваться как «права собственности», а соответственно, и как «объекты собственности» в целях данной статьи» (цитата из решения ЕСПЧ [132]). Для определения, является ли какой-то объект объектом прав собственности, необходимо установить, затрагиваются ли при его использовании финансовые интересы и имеется ли экономическая ценность у такого объекта.

Таким образом, Европейский Суд, признал, что интеллектуальная собственность или лицензии на использование имущества определенным способом являются объектами собственности: доменное имя рассматривается как имущество.

Если проанализировать систему правового регулирования сферы доменных имен в странах с романо-германской системой права, то отдельно можно выделить Германию. В этой стране доменное имя признано не только средством индивидуализации, но и аналогом имени. Поэтому если доменное имя схоже или полностью копирует имя лица, то это лицо может апеллировать к ст. 12 Германского гражданского уложения, охраняющей неприкосновенность имени физического или юридического лица. Причем право на имя является одним из приоритетных и часто акцентируемых норм в Германии. При этом гибкость немецкого законодательства можно проследить на том факте, что в делах, где задействованы коммерческие компании, часто фигурирует и применяется нормативная база по товарным знакам и недобросовестной конкуренции. В целях борьбы и профилактики киберсквоттинга немецкие законодатели предусмотрели также и то, что неиспользуемые доменные имена зачастую представляют собой объекты судебных разбирательств, связанных с киберсквоттингом и шантажом владельцев одноименных товарных знаков и фирменных наименований.

Права на доменные имена могут возникнуть в силу заключения соответствующего договора с аккредитованным регистратором доменных

имен, или, заключив договор на приобретение прав на доменное имя у лица, которое таким правом уже владеет. Право владения в данном случае подтверждается регистрацией прав на данный объект.

Из изложенного следует, что доменные имена, в отличие от нематериальных благ, можно отчуждать, то есть они способны быть объектами гражданского оборота и способны участвовать в нем.

Кроме того, доменные имена не имеют жесткой привязки к личности их владельцев. Владельцами доменных имен могут быть, как физические и юридические лица (любых организационно-правовых форм), так и органы государственной власти и местного самоуправления.

Такие черты, как нематериальность и коммерческая ценность также присущи объектам интеллектуальной собственности.

Исходя же из анализа функций, выполняемых доменными именами в условиях современного гражданского оборота, доменные имена следует признать средством индивидуализации.

Автор предлагает следующее определение доменного имени: «Доменное имя – это средство индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, выражаемое в форме символического обозначения, служащее для идентификации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, право на которое обладает способностью участвовать в хозяйственном обороте, зарегистрированное в установленном законом порядке».

Выделены две условные группы субъектов правоотношений, связанных с использованием доменных имен: субъекты обязательственных (договорных) отношений и субъекты отношений имущественного характера между владельцем доменного имени и иными лицами. К первой группе субъектов отнесены заявитель, регистратор, администратор домена, администратор национальной доменной зоны, технический администратор национальной доменной зоны. К субъектам обязательственных (договорных) отношений можно также отнести государство, как регулятора системы, а

также международные организации, обеспечивающие регулирование функционирования сети Интернет.

Вторая категория субъектов – субъекты отношений имущественного характера между владельцем доменного имени и другими лицами.

На долю коммерческих и некоммерческих компаний, использующих доменные имена, приходится основная часть судебных разбирательств по доменным спорам.

Субъектом правоотношений, связанных с использованием доменного имени, может являться физическое лицо в том случае, если доменное имя полностью или частично воспроизводит имя данного лица. Именами популярных физических лиц могут воспользоваться недобросовестные регистранты доменных имен, от имени таких лиц публикуя разного рода информацию, вводящую в заблуждение или даже порочащую данное физическое лицо.

Владелец доменного имени может вступить в юридические отношения с физическим лицом, причем важным является тот факт, что гражданство данного лица (или его отсутствие) может повлиять на юрисдикцию судебного разбирательства. Когда речь идет о совладении доменным именем, имеется ввиду, что в качестве правообладателей доменного имени выступает несколько лиц (физических либо юридических). Правоотношения, связанные с доменными именами могут быть как двусторонними, так и многосторонними.

Субъектами правоотношений, связанных с доменными именами, могут являться любые типы субъектов, особый правовой интерес (обусловленный возможной правовой коллизией) вызывают следующие типы субъектов и правоотношения: владелец доменного имени, владельцы других средств индивидуализации, бывший владелец доменного имени (утерявший право на доменное имя в результате аннулирования регистрации).

В законодательстве отсутствует четкое определение правового режима доменного имени. На данный момент в Республике Беларусь

необходимо создать для доменного имени правовой режим, включающий предоставление на доменное имя имущественного права, подобного исключительному, однако им не являющегося. При этом особый режим, отличающий доменное имя от других объектов интеллектуальной собственности, будут характеризовать определенные ограничения (изъятия): имущественное право абсолютного характера с рядом ограничений (изъятий), в случае полного или частичного совпадения с фирменным наименованием, товарным знаком, знаком обслуживания, таких как, срок и условия действия договора с регистратором.

Владельцем доменного имени является юридическое или физическое лицо, на имя которого зарегистрировано доменное имя на основании договора о регистрации домена и оказании сопутствующих услуг, заключаемого владельцем с регистратором.

Право на доменное имя возникает с момента заключения договора с регистратором. Договор является основанием возникновения гражданских прав и обязанностей, связанных с использованием доменного имени.

Право на использование доменного имени охраняется государством и удостоверяется свидетельством.

Свидетельство на доменное имя удостоверяет право администрирования доменного имени, содержит полную информацию о домене: название домена, дата регистрации и окончания срока регистрации доменного имени, полные данные об администраторе домена.

Право на доменное имя является имущественным правом, которое заключается в возможности владельца самостоятельно определять способы использования и распоряжения доменного имени.

Владелец доменного имени имеет право передать право пользования, а позднее право администрирования доменного имени по договору на доменное имя либо по договору на использование доменного имени.

В случае, если доменное имя полностью или частично воспроизводит, сходно до степени смешения с товарным знаком, фирменным

наименованием или географическим указанием, права на которые принадлежат третьему лицу, его регистрация должна быть аннулирована принудительно в судебном порядке либо добровольно по соглашению сторон.

Приоритет даты регистрации доменного имени является основанием для отказа в защите права на товарный знак, фирменное наименование или географическое указание.

В случае, если доменное имя воспроизводит имя или псевдоним физического лица, не являющегося обладателем прав на доменное имя, или в случае, если обладатель прав на доменное имя не получил разрешение данного физического лица на регистрацию данного доменного имени, регистрация данного доменного имени должна быть аннулирована принудительно в судебном порядке либо добровольно по соглашению сторон.

Доменное имя по своим характеристикам тождественно средству индивидуализации. Доменные имена, как и средства индивидуализации обладают коммерческой ценностью, права на них участвуют в гражданском обороте: передаются на основании определенных видов договоров; срок действия, по истечению которого право утрачивается без возникновения особых условий, отсутствует; необходимым требованием к возникновению прав является регистрация государственным органом / юридическим лицом-регистратором; доменные имена, как и средства индивидуализации, обладают уникальностью для возникновения прав на них, и предусмотрена возможность проверки на уникальность; установлены ограничения для содержания слов, входящих в объекты; и доменные имена, и средства индивидуализации выполняют общую функцию идентификации продукции, работ и услуг и предприятий (в случае с доменным именем, если оно индивидуализирует ресурс с предложением товаров, работ, услуг).

Признаки, отличающие доменное имя от средств индивидуализации: обладателем прав на доменное имя может быть, наряду с юридическим

лицом и индивидуальным предпринимателем, физическое лицо; сфера использования не ограничена применением в области предпринимательской деятельности; отсутствуют территориальные пределы в силу особенности сети Интернет; доменное имя индивидуализирует, в первую очередь, какой-либо интернетресурс, но может идентифицировать товары, работы или услуги; доменное имя в каждой отдельно взятой доменной зоне уникально; доменное имя имеет не только содержательные ограничения (принадлежность слов стоп-листу регистратора), но и технические (например, количество символов и состав символов); невозможность совместного правообладания.

С иными объектами тождественных свойств не установлено.

Право на доменное имя имеет общие черты с правами на иные средства индивидуализации. Доменные имена не только выполняют свои специфические функции, но и фактически находятся в тесной взаимосвязи с признанными средствами индивидуализации, а значит должны иметь правовой режим, взаимоувязанный с правовыми режимами иных средств индивидуализации в единую систему.

В рамках совершенствования действующего законодательства о доменных именах целесообразно закрепить в специальном законе понятия доменного имени, домена, условий предоставления правовой охраны доменному имени, имущественного права на использование доменного имени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования, выполненные по теме «Правовые основы деятельности Евразийского экономического союза» (ЕАЭС) осуществлялись в рамках реализации комплекса научных исследований по научному направлению кафедры гражданского права УО «Полоцкий государственный университет». В Республике Беларусь впервые проведено комплексное теоретико-правовое исследование в привязке к тематике энергетического права ЕАЭС.

Проведено комплексное теоретико-правовое исследование, относящееся к тематике структурирования норм права и праву региональных экономических зон и сообществ. Исследовались правоотношения реализуемые в сфере экономики, в том числе энергетики, экологической безопасности, туризма, интеллектуальной собственности в контексте интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Проведенные исследования дополняют представления, касающиеся структурирования норм права, а также доктрину международного экономического права новыми положениями и выводами, которые дополняют существующие теории. Тем самым создается теоретическая основа структурирования норм международного интеграционного права. Результаты проведенных исследований позволяют уточнить правовую характеристику традиционных институтов международного экономического права, а также анонсировать проблематику этих институтов.

Вместе с проблемами теории гражданского и международного права и отдельными правовыми институтами рассматривались конкретные правовые институты, в том числе в контексте заимствования иностранного правового опыта применительно к основной теме исследования.

Работа носит характер прикладного научного исследования и направлена на решение задач более эффективного правового регулирования

отношений в сфере права и экономики в рамках региональных экономических сообществ.

Результаты научно-исследовательской работы.

1. Разработаны общие положения, касающиеся права ЕАЭС и его отдельных отраслей и институтов.

2. Разработаны методологические основы сравнительного правоведения в сфере интеграционного права.

3. Разработаны и обоснованы теоретические основы типизации норм международных соглашений в рамках Евразийского экономического союза.

Результаты исследований апробированы в научных статьях, докладах республиканских и международных научно-практических конференций, использованы в студенческой научной работе и в учебном процессе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Германн, Х. Принцип транспарентности в Европейском частном праве / Х. Германн. - // Сборник докладов на семинаре, проведенном в рамках Темпус-проекта в г. Минске 28 августа – 3 сентября 2000 г. – Минск, 2000. – С. 388-407.
2. Рожкова, А.Г./Актуальные вопросы законодательства ЕврАзЭС / М.А. Рожкова // Законодательство. – 2001. – № 10. – С. 7-10.
3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [заключено в г. Астана 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
4. Исполинов, А. С. Суд ЕАЭС: первые решения, первые вопросы [Электронный ресурс] / А. С. Исполинов // *Zakon.ru*. – Режим доступа:
https://zakon.ru/blog/2015/5/21/sud_eaes_pervye_resheniya_pervye_vopr
osy. – Дата доступа: 07.07.2016.
5. Нешатаева, Т. Н. Интеграция и наднационализм / Т. Н. Нешатаева // Вестн. Пермс. ун-та. Юрид. науки. – 2014. – № 2(24). – С. 243–248. С. 245.
6. Исполинов, А. С. Евразийское правосудие: от Суда Сообщества к Суду Союза / А. С. Исполинов // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 80–88.
7. Малько, А. В. Судебная система Евразийского экономического союза: проблемы формирования / А.В. Малько, В.В. Елистратова // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 1. – С. 99–112.
8. Green, C. An intellectual history of judicial activism / C. Green // *Emory Law Journal*. – 2009. – Vol. 58, P. 1195–1264.

9. Соколова, Н. А. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза / Н. А. Соколова // *Lex Russia*. – 2015. – № 11. – С. 96–103.
10. Исполинов, А. С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок / А. С. Исполинов // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2014. – № 5. – С. 16–18.
11. Четвериков, А. О. Гарантии независимости органов правосудия интеграционных объединений современных государств: сравнительно-правовой аспект / А. О. Четвериков // *Актуальные проблемы российского права*. – 2015. – № 5(54). – С. 161–166.
12. Нешатаева, Т. Н. Человеческий фактор евразийского правосудия [Электронный ресурс] / Т. Н. Нешатаева // *Евразийский юридический журнал*. – Режим доступа: http://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5483&Itemid=701. – Дата доступа: 05.07.2016.
13. Бирюков, М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора / М. М. Бирюков. – М. :
14. Богоненко, В.А. Международно-правовые основы Энергетической Хартии / В.А. Богоненко // *Вестн. Полоц. гос. ун-та*. – 2014. – № 13. – С. 155–161.
15. Сулейменов, М.К. Влияние Договора к Энергетической хартии на законодательство Казахстана / М.К. Сулейменов, Г.А. Папанасопуло, У. Холланд // *Частное право Респ. Казахстан: история и со-временность*. – Алматы, 1997. – Т. 7. – С. 183–184.
16. Язев, В. Международная Энергетическая Хартия – новый инструмент энергетической дипломатии? / В. Язев // *Нефтегазовая вертикаль*. – 2015. – № 8. – С. 15–19.
17. Федеральный закон О защите конкуренции от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 05.10.2015 с изм. и доп., вступившими в силу 10.01.2016) [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс: интернет-версия*. – 2016. – Режим доступа:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/baabe5b69a3c031bfb8d485891bf8077d6809a94. – Дата доступа: 29.03.2016.

18. Германн, Х. Принцип транспарентности в Европейском частном праве / Х. Германн // Сб. докл. на семинаре, пров. в рамках Темпус-проекта в Минске 28 авг. – 3 сент. 2000 г. – Минск, 2000. – С. 388–407.
19. Богоненко, В.А. Правовые основы регулирования отношений в нефтегазовой сфере Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / В.А. Бого-ненко // Антимонопольная деятельность евразийского экономического союза. – Евразийская экономическая комиссия. – 2015. – № 5. – С. 46–50.
20. Ворожбит, О.Ю. Проблемные аспекты определения термина «кластер» в законодательстве Российской Федерации / О.Ю. Ворожбит, Н.Ю. Титова, Т.А. Полещук, В.Е. Зиглина // АНИ: экономика и управление. 2016. Т. 5., № 4(17). – С. 96-99.
21. Михеева, И.В. Кластерные стратегии в развитии экономики регионов: правовые аспекты / И.В. Михеева, А.С. Логинова // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. – С. 151-160.
22. Скворцова, Т. А. Кластер как особая организационная форма объединений в сфере предпринимательства / Т. А. Скворцова Е. А. Паршина // Вестник Ростовского государственного экономического университета. – 2015. № 4. – С. 96-102.
23. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016 - 2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 31 янв. 2017 г., № 31 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 13.06.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
24. Об утверждении Концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 16 янв. 2014 г., № 27 // ЭТАЛОН. Законодательство

- Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
25. Портер, М. Конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – М: Вильямс, 2005. – 608 с.
26. Лебедева, А.К. Необходимость формирования кластерной политики в рамках Евразийского экономического союза / А.К. Лебедева // Мировая экономика. – 2017. – № 4. – С. 104-107.
- 27.8. Кулакова, Л.И. Кластерный подход – основа эффективного развития регионов / Л.И. Кулакова // Российское предпринимательство. 2013. № 22. – С. 121-130.
28. Романов, И. Что мешает развитию энергобезопасности ЕАЭС? [Электронный ресурс] / И. Романов // 365 Info. – Режим доступа : <https://365info.kz/2018/11/chto-meshaet-razvitiyu-energobezopasnosti-eaes/>. – Дата доступа: 01.12.2018.
29. Матвеев, И.Е. Энергетика стран ЕАЭС: цели, задачи, ключевые направления развития и проекты [Электронный ресурс] / И.Е. Матвеев // Матвеев Игорь Евгеньевич. – Режим доступа : <http://matveev-igor.ru/articles/390331>. – Дата доступа : 01.12.2018.
30. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [совершено в г. Астане 29.05.2014 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
31. О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 8 мая 2015 г., № 12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
32. О Концепции формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 31 мая 2016 г., № 8 // ЭТАЛОН.

- Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
33. О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 31 мая 2016 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
34. О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 6 дек. 2018 г., № 23 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
35. О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : решение Высш. Евразийского экон. совета, 6 дек. 2018 г., № 18 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
36. Заворотный, Д.С. О кластерной кооперации – как основном инструменте стимулирования инновационного развития промышленности в ЕС [Электронный ресурс] : (аналитическая справка) / Д.С. Заворотный // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа : http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_prom/SiteAssets/%D0%9E%20%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf. – Дата доступа: 01.12.2018.
37. Бондаренко, В.А. О ключевых характеристиках кластера и соотношении понятия «кластер» в зарубежной и отечественной литературе / В.А. Бондаренко // Инфраструктурные отрасли экономики: проблемы и перспективы развития. – 2015. № 8. – С. 29-33.

38. Винокуров, Е. Евразийский экономический союз без эмоций / Е. Винокуров // Вопросы экономики. – 2016. № 12. – С. 43-60.
39. Presidency conclusions [Electronic resource] : [Lisbon European Council 23 and 24 march 2000] // European Parliament. Mode of access : http://www.europarl.europa.eu/summits/lis1_en.htm. – Date of access: 05.12.2018.
40. The European cluster memorandum [Electronic resource]: [Promoting European Innovation through Clusters: An Agenda for Policy Action]. – Mode of access: www.proinno.net/upload/documents/european_cluster_memorandum_final1.pdf. – Date of access: 05.12.2018.
41. Europe INNOVA [Electronic resource]: European Innovation Platforms // European Commission. – Mode of access: http://ec.europa.eu/growth/content/europe-innova-european-innovation-platforms_en. – Date of access: 05.12.2018.
42. European Cluster Observatory [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/cluster/observatory_en. – Date of access: 05.12.2018.
43. EU Cluster Portal [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: https://ec.europa.eu/growth/industry/policy/cluster_en. – Date of access: 05.12.2018.
44. Слонимский, А.А. Региональные кластеры: европейский опыт и белорусские возможности для инновационного развития / А.А. Слонимский, М.А. Слонимская // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. – Вып. 22/1. – 2014. – С. 40-47.
45. Cluster policy in Europe [Electronic resource]: [A brief summary of cluster policies in 31 European countries: Europe Innova Cluster Mapping Project] / Oxford Research. – Oxford: Oxford Research AS, 2008. – Mode of access:

- <https://cluster.hse.ru/mirror/pubs/share/212163952>. – Date of access: 05.12.2018.
46. Competitive Regional Clusters [Electronic resource]: national policy approaches / Organisation for economic co-operation and development. – Paris: OECD, 2007. – Mode of access: https://artnet.unescap.org/tid/artnet/mtg/gmscb_regionalclusters.pdf. – Date of access: 05.12.2018.
47. Innovation clusters in Europe. A statistical analysis and overview of current policy support [Electronic resource]: (DG Enterprise and Industry report) : [Europe Innova / PRO INNO Europe paper №° 5] / DG Enterprise and Industry; DG Research and DG Regional Policy; PRO INNO Europe initiative; a High Level Advisory Group on clusters. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007. Mode of access: http://ibr.hi.is/sites/ibr.hi.is/files/Innovation_Clusters_in_Europe.pdf. – Date of access: 05.12.2018.
48. Green Energy Clusters [Electronic resource] / KanEnergi Sweden AB. 2007. Mode of access: <http://cluergal.org/media/zinnia/files/greenenergyclusterbookletfinal.pdf>. Date of access: 05.12.2018.
49. Михайлов, А.С. Формирование международных кластеров в балтийском регионе / А.С. Михайлов // Балтийский регион. – 2013. № 1. – С. 53-56.
- 50.. Рутко, Д.Ф. Кластеры в Европейском союзе: механизм формирования и тенденции развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Д.Ф. Рутко ; Белорус. госуд. экон. ун-т. Ми
51. Бринчук М.М. Экологическое право: учеб. / М.М. Бринчук – М.: МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 624 с.
52. Васильева, М.И. Субъекты экологических правоотношений / М.И. Васильева // Вестн. Московского университета им. М.В. Ломоносова. – 2009. - № 5. – С.3 – 27.

53. Саморукова, О.И. Эколого-правовой статус предприятия: автореф. дис. ... кандидат. Юрид. наук: 12.00.06 / О.И. Саморукова; Инстит. Госуд. и права Росс.акад. Наук. – М., 2009.
54. Балашенко, С.А. Государственное управление в области охраны окружающей среды / С.А. Балашенко. Минск: БГУ, 2000. 341 с.
55. Макарова, Т.И. Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь / Т.И. Макарова, Минск, 2004 г. - С. 230
56. Карпович, Н.А. Экологическая функция государства: в 2-х ч. Ч. 1 / Н.А. Карпович. – Минск: РИВШ, 2011. – 294 с.
57. Макарова, Т.И., Хотько, О.А. Экологизация земельного законодательства: состояние и проблемы совершенствования / Т.И. Макарова, О.А. Хотько // Современное право (РФ). – № 7.– С. 123–130.
58. Об охране окружающей среды: Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-XII: в ред. Закона от 18 окт. 2016 г. № 431-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
59. О магистральном трубопроводном транспорте: Закон Респ. Беларусь, 9 января 2002 г., №87-3(с изм. и доп.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
60. Об обращении с отходами: Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2007 г., № 271-3 (с изм. и доп.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
61. Шингель, Н.А. Актуальные вопросы реализации права на доступ к природным ресурсам / Шингель Н.А. // сб. ст. междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 28-29 окт. 2016 г. / Полоц. Гос. ун-т: редкол И.В. Вегера (отв. ред.). – ПГУ, 2016 – Т. 3. – 340
62. Макарова, Т.И. Обязанности граждан в области охраны окружающей среды как элемент эколого-правового статуса / Т.И. Макарова // Вестн. конституц. суда Респ. Беларусь. – 2007. № 1. – С. 126-132.

63. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: Кодексы Респ. Беларусь от 7 декабря 1998 г., с изм. и доп. от 28 августа 2012 г. // Эталон 6.0 – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
64. Мозокина, С.Л. Проблемы развития туризма в приморских го-родах / С.Л. Мозокина // Извест. С.-Пт. ун-та эконом. и финанс. – 2012. – № 2. – С. 95–99.
65. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г. № 466 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
66. Писаревский, Е.Л. Правовое регулирование туризма [Электронный ресурс] / Е.Л. Писаревский // – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_5912.html. – Дата доступа: 30.01.2017.
67. Богоненко, В.А. Гражданское право : учебн.-метод. комплекс / В.А. Богоненко. – Минск : Экоперспектива, 2006. – 476 с.
68. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ре-сурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 января 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
69. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс]: 29.01.1996 г., № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Фе-дер. Собр. Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. : в ред. Федер. Закона Рос. Федерации от 28.12.2016 г. // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.
70. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей [Электронный ресурс] / редкол.: В. Кузнецов [и др.]. // М.: Фонд «Правовая культура», 1995. – 480 с. – Режим доступа:

[http:// bibliotekar.ru/codex-predprinimateley-1/index.htm](http://bibliotekar.ru/codex-predprinimateley-1/index.htm). – Дата доступа: 30.01.2017.

71. Годунов, В.Н. Гражданско-правовой договор / В.Н. Годунов // Промышл.-торг. право. – 1999. – № 7. – С. 115–147.
72. О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, 16 дек. 1999 г., № 16 : с изм. и доп. от 28 сент. 2008 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
73. Суханов, Е.А. Гражданско-правовой договор / Е.А. Суханов // Гражданское право: в 4 т. / редкол.: Е.А. Суханов (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – Т. 3. – Гл. 38. – С. 87–115.
74. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 25 ноября 1999 г., № 326-3 : в ред. от 9 янв. 2007 г. № 206-3 : с изм. и доп. от 18 июля 2016 г. № 410-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
75. Протасовицкий, С.П. Условие о предмете гражданско-правового договора / С.П. Протасовицкий // Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21-22 окт. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: И.Н. Колядко (гл.ред) [и др.]. – Минск : Позитив-центр, 2010. – 552 с. – С. 159–161.
76. Налоговый кодекс Республики Беларусь. Общая часть [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-3 : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : с изм. и доп. от 18.10.2016 г. № 432-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
77. Шерстобитов А.Е. Обязательства из договора возмездного оказания услуг / А.Е. Шерстобитов // Гражданское право : в 4 т. / ред-кол.: Е.А. Суханов

- (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Волтерс Клувер, 2007. – Т. 4. – Гл. 54. – С. 39–58.
78. Услуги туристские. Общие положения : СТБ 1352-2005. – Введ. в действ. постановлением Госуд. Комитетом по стандарт. Респ. Беларусь 1 нояб. 2005 г. – Минск : Белорус. Гос. ин-т стандарт. и сертиф., 2005. – 14 с.
- 79.. Бабкин, А.В. Специальные виды туризма : учеб. пособие / А.В. Бабкин. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 252 с.
80. Об утверждении Правил оказания туристических услуг [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 нояб. 2014 г., № 1064 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
81. О государственной аттестации санаторно-курортных и оздоровительных организаций [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 01 нояб. 2006 г., № 1450 : с изм. и доп. от 29.03.2016 г., № 394 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
- 82.. О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой [Электронный ресурс]: Директива Президента Респ. Беларусь, 31 авг. 2015 г. // Интернет-портал Президента Республики Беларусь. Документы. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by>. – Дата доступа: 30.01.2017.
83. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 декабря 2001 г., № 90-3 : в ред. от 8 июля 2008 г., № 366-3 : с изм. и доп. от 29 окт., 2015 г., № 313-3 / ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь /// Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.
84. Калятин, В. О. Право в сфере интернета. – М. : Норма, 2004. – 479 с.
85. Калятин, В. О. Интернет-сайт как объект исключительных прав / В. О. Калятин // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2004. – № 2. – С. 25–28.

86. Петровский, С. В. Защита прав автора сайта / С. В. Петровский // Российская юстиция. – 2001. – №1. – С.62–65
87. Семилетов, С. И. Проблемы охраны авторских прав в российском секторе Интернета / С. И. Семилетов // Проблемы информатизации. – 2000. – №3. – С.52–59.
88. Басманова, Е. С. Интернет-сайт как объект имущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е. С. Басманова. – М., 2010. – 175 л.
89. Бабарыкин, П. В. Гражданско-правовое регулирование создания и использования сайтов сети интернет: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / П. В. Бабарыкин. - СПб., 2005. – 167 л.
90. Кравченко, А. А. Правовой режим интернет-сайта как комплексного объекта права интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Кравченко. – 214 л.
91. Мазур, Е. А. Правовой режим интернет-сайта как сложного объекта по законодательству Российской Федерации / Е. А. Мазур // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 1 (2) – С.132-134.
92. Овсейко, С. В. Сеть интернет и интернет-сайт: правовое регулирование / С. В. Овсейко // Юрист в строительстве. – 2013. – №6. – С.57–62.
93. Рачковский, В.В. Использование интернет-контента: правовой аспект / В. В. Рачковский // Промышленно-торговое право. – 2015. – №5. – С.35–38.
94. Соколова, Е. А. Веб-сайт: правовая природа, создание, использование / Е. А. Соколова // Право Беларуси. – 2005. – №7. – С.97–101.
95. Любич, О. Договор о создании веб-сайта: кто прав? / О. Любич // Юстиция Беларуси. – 2003. – №3. – С.77-79.
96. Булыко, А. Н. Словарь иностранных слов. Актуальная лексика [Текст] / авт.-сост. А.Н. Булыко. – Мн.: ООО «Харвест», 2006. – 656 с.
97. Мостицкий, И.Л. Англо-русский энциклопедический словарь по современной электронной технике и программированию : компьютеры, интернет, телекоммуникации, аудио-, видео-, теле-и радиотехника и пр. :

- Ок. 19 000 терминов (более 12700 словар.ст.) / И.Л. Мостицкий; Сост. и ред. И.Л. Мостицкий. – М. : Изд-во Триумф, 2004. – 784 с.
98. Большая компьютерная энциклопедия / отв. ред. Н.В. Дубенок; вып. ред. С.С. Ионкина – М. : Эксмо, 2007. – 480с.
99. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2003. – 976 с.
100. Положение о порядке ограничения доступа к информационным ресурсам (их составным частям), размещенным в глобальной компьютерной сети Интернет [Электронный ресурс]: постановление Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 19 февраля 2015 г. №6/8 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=T21503059&p1=1>. – Дата доступа: 07.09.2018.
101. Об информационном Правительственном сайте [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 июля 2005 г. №764 в ред. постановления Совета Министров Республики Беларусь от 2 ноября 2012 г. № 1007 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
102. Рассолов, И.М. Право и интернет / И.М. Рассолов. – 2-е изд., дополненное. – Москва : Норма, 2009. – 383 с.
103. Об информатизации, информации и защите информации [Электронный ресурс] : Модельный закон, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 18 ноября 2005 г. № 26-7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
104. . Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования [Электронный ресурс]: Модельный закон, принят

- постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2014 г. № 40-15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
105. Об информации, информатизации и обеспечении информационной безопасности [Электронный ресурс]: Модельный закон, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых от 28 ноября 2014 г. № 41-15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
106. Об электронных государственных услугах [Электронный ресурс]: Модельный закон, принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств от 7 апреля 2010 г. № 34-7// ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
107. Хломко, И. В. Правовой режим интернет-сайта: общий взгляд на проблему / И. В. Хломко // Юстиция Беларуси. – 2012. – №3. – С.76-78.
108. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федер. закон, 27 июля 2006 г., № 149-ФЗ : в ред. Федер. закона от 19.07.2018г. № 211-ФЗ. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
109. Кондратьева, Е.А. Интернет-сайт – «новый» объект авторских прав / Е.А. Кондратьева // Юрист. – 2014.– №12. – С.38-40
110. Третьяк, Т. М. Практикум Web-дизайна / Т. М. Третьяк, М. В. Кубарева. – Москва : Солон-пресс, 2007. – 173 с.
111. Хломко, И. В. Интернет-сайт как объект авторского права / И. В. Хломко // Юстиция Беларуси. – 2013. – №11. – С. 27-29.
112. Новицкая, М. Договор на создание веб-сайта: подряд или авторский договор? / М. Новицкая // Юрист. – 2002. – №11. – С.39-40.

113. Петров, Д. А. Некоторые вопросы ответственности владельца сайта [Электронный ресурс] // Д. А. Петров // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
114. Постановление Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2008 г. N 255/08 по делу N А63-14046/2006-С1 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
115. Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. №262-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
116. Котенко, Е. С. Мультимедийный продукт как объект авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Е.С. Котенко. – М., 2012. – 230 л.
117. Лебедь, В. В. Мультимедийные продукты в условиях адаптации французских законов об авторском праве к информационным реалиям / В. В. Лебедь // Государство и право. – 2014. – № 5. – С.72-77.
118. Лопатин, В. Н. Интеллектуальная собственность: словарь терминов и определений / В. Н. Лопатин // Респ. Науч.- исслед. Ин-т интеллектуал. Собственности (РНИИИС). – М.: ИНИЦ «ПАТЕНТ», 2012. – 150с.
119. Луткова, О.В. Основные проблемы охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве: учебное пособие для магистров / О. В. Луткова, Л. В. Терентьева, Б. А. Шахназаров. – Москва : Проспект, 2017. – 224с.
120. Бабарыкин, П. В. Совершенствование правового регулирования сложных объектов в сети интернет / П. В. Бабарыкин // Интеллектуальная собственность: теория и практика: Сб. докл. научно-практической конференции «Петербургские коллегиальные чтения – 2010» (Санкт-Петербург, 24–25 июня 2010 г.) / СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ»; общая ред. Ю.И. Буч. – Санкт-Петербург, 2010. – С. 82– 88.
121. Моргунова, Е. А. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: Комментарий к части четвертой

- Гражданского кодекса Российской Федерации : (в ред. ... от 24 февраля 2010 г. ...): (постатейный) / В. В. Погуляев, Н. П. Корчагина, Е. А. Моргунова .— М. : Юстицинформ, 2010 .— 657 с.
122. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей / Дозорцев В.А. - М.: Статут, 2003. - 416 с.
123. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможности применения отдельных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
124. Басманова, Е. С. О приобретении прав на интернет-сайты юридическим лицом / Е. С. Басманова // Журнал российского права. – №7. – 2010. – С.118-122.
125. Словарь иностранных слов. Вед. Ред. Л.Н. Комарова -16-е изд., испр. – М.: Рус. Яз., 1988. – 624с.
126. Ильин, Г. Интернет образование и виртуальная реальность / Г. Ильин // Высшее образование в России. – 2004. - №10.– С.96-102.
127. Кравченко, А. А. Интернет-сайт как элемент системы интеллектуальной собственности / А. А. Кравченко, Б. Н. Коробец, К. Е. Амелина. – Москва : Издательство МГТУ, 2015. – 197 с.
128. Колосов, В.А. Природа прав на доменное имя / В.А. Колосов // Юридическая фирма «Вадим.Колосов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kolosov.info/kommentarii>. – Дата доступа: 12.11.2018.
129. Шалаева, Т.З. Доменное имя как объект исключительных прав / Т.З. Шалаева // Проблемы правовой информатизации, 2006.– №2.– С.42–45.
130. Калятин, В.О. Право в сфере Интернет / В.О.Калятин. – М.: Норма, 2004. – 480 с.
131. Звягин, В.А. Проблемы правового регулирования использования исключительных прав на фирменные наименования и прав на доменные имена / В.А. Звягин // дис.... канд.юрид. наук: 12.00.03. – Москва, 2011. – 227 л.

132. Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека: Отдел по проведению исследований. Европейский суд по правам человека [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа:http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_RUS.pdf. – Дата доступа: 08.01.2015.